

АЛЛЕН ГУТТМАН

От ритуала к рекорду¹

Есть только один способ понять какое-либо явление — увидеть его на фоне того, что не имеет к нему никакого отношения. Когда Марк Твен узнал, что разъездные футбольные команды Альберта Шпалдинга провели показательный матч на Гавайских островах, он с искренним удивлением отметил культурный контраст:

Я посетил Сендвичевы острова... где жизнь — одна долгая, непрекращающаяся суббота, где климат — один долгий и сладостный летний день... эти ребята играли там в бейсбол — вот настоящий символ, вот откровенное и очевидное выражение порыва, энергии и усилия, борьбы ярости, спешки и бума всего XIX века! Никто бы об этом и не догадался: так трудно увязать место и событие, все равно как если бы на похоронах выступила цирковая труппа².

Цирк на похоронах — не самая точная метафора, но что делать, если облик (*Gestalt*) современного спорта обозначился в предельно резком контрасте с первобытным, древним и средневековым спортом.

Если рассматривать вопрос под этим углом, окажется, что основных отличий современного спорта от прежних его форм *не менее семи*. Перечислить их нетрудно, но побочные эффекты, ответвления, взаимовлияния и, главное, конечный смысл нуждаются в точном и часто весьма подробном анализе. Как и прочие культурные факты, эти отличия часто воспринимаются как само собой разумеющиеся и сводятся к особенностям «природного состояния». Но то, что «естественно» для членов

¹ Allen Guttman, *From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports*. New York: Columbia University Press, 1978, 15–55.

² Цит. по: Harry Clay Palmer, *The Around the World Tour, Athletic Sports in America, England and Australia*, ed. Palmer. Philadelphia: Hubbard Broth., 1889, 446–447. Восхищение Марка Твена бейсболом и культурным контрастом его с древними играми проявилось и в его повести «Янки из Коннектикута при дворе Короля Артура» (1889), где в эту игру приходится играть средневековым рыцарям под наблюдением Хэнка Моргана.

данной культуры, может показаться странным всем, кто смотрят на эту культуру извне. Если попытаться подобрать наиболее отвлеченные слова для этих явлений, с простой целью задать направление анализа, эти семь характерных черт можно назвать так:

- секулярность;
- равенство возможностей и условий соревнования;
- специализация ролей;
- рационализация;
- бюрократическая организация;
- количественный учет;
- погоня за рекордами.

Вряд ли последователь Макса Вебера или Толкотта Парсонса живо отзовется на этот список характерных явлений. Список скорее вызовет интерес представителей исторической социологии (или социологической истории) спорта. Европейские ученые, особенно немецкие, давно уже развивают серьезное исследование спорта как социального феномена. Настало время объединить усилия американских и европейских ученых, чтобы вывести обсуждение к новым рубежам.

1. Священное и секулярное

Первобытные культуры не знают слова, обозначающего спорт в нашем понимании³. Если придерживаться строгого определения спорта как *неутилитарного физического упражнения*, придется сказать, что у первобытных людей вообще не было спорта. Фундаментальная всемирная история спорта, написанная Карлом Диемом, открывается категоричным утверждением: «Все физические упражнения были изначально связаны с культом»⁴. Существует множество доказательств тому, что первобытные общества часто включали в религиозные ритуалы и церемонии бег, прыжки, метание, бои и даже игру в мяч.

Этнографы провели обширные исследования игр американских индейцев, особенно индейцев Великих равнин, которые последними подверглись культурному влиянию завоевателей. Стюарт Калин в своей объемной монографии пишет:

У детей есть и много других развлечений, вроде отбивания мяча, потешных боев и тому подобного подражательного спорта, но в эти игры

³ См. Hans Damm, *The So-Called Sport Activities of Primitive People, The Cross-Cultural Analysis of Sport and Games*, ed. Günter Lüschen. Champaign, Illinois: Stipes, 1970, 52–69. Многие антропологи отвергают термин «первобытный» как слишком этноцентричный. Но, к сожалению, предложенные альтернативные термины не кажутся мне удачными, и поэтому приходится использовать это расхожее слово, не вкладывая в него, конечно, смысл морального суждения.

⁴ Carl Diem, *Weltgeschichte des Sports*, 3rd ed., 2 vols. Frankfurt: Cotta, 1971, 1, 3.

играют, что нужно отметить прежде всего, только взрослые мужчины и женщины или же юноши и девушки, но никогда не дети — и эти игры проходят в строго определенное время в году, в рамках празднеств или религиозных ритуалов... Вообще говоря, во все эти игры играют обрядово, стараясь ублажить богов и тем самым обеспечить плодородие, вызвать дождь, произвести и продлить жизнь, изгнать злых духов или излечить болезни⁵.

Собранные Калином этнографические сведения не могут, за редкими исключениями, прояснить религиозную природу спортивных игр. Но есть блистательный пример, который заслуживает подробного рассмотрения.

Юго-восточные апачи-хикарилья «занимаются спортом» с всегдашней оглядкой на солнце и луну, тем самым осуществляя ежегодный ритуал плодородия. В мифах апачей драматически отражено сложное равновесие двух основных источников пищи для индейцев Великих равнин. Животная пища ассоциируется с солнцем, а растительная — с луной. «Солнце сопряжено с животными, а луна — с плодами, потому что солнце — мужчина, а луна — женщина»⁶. Такое дихотомическое восприятие естественного порядка описано Клодом Леви-Строссом и множеством других антропологов как неотъемлемый признак *первобытного мышления*. Кете Юе-Керкдал, писавшая о бразильских индейцах Тимбира, подчеркивала связь между спортом и мировидением: «Соревнования атлетов и дуалистическая социальная организация первобытных людей — это две различных репрезентации дихотомической поляризованной картины мира»⁷. Дуалистический миф в действии, что нас больше всего интересует, требует особого состязания, в котором приходится принимать участие всем мужчинам в период между половым созреванием и браком. При этом одна сторона «несет в себе» солнце, а другая — луну. Состязание направляется сложными ритуалами, и главное требование к участникам — воздержание от мяса и от половых связей. Как считается, главное состязание — это состязание солнца и луны, и дорожка, на которой они состязались в беге, становится Млечным Путем. «Млечный Путь», на котором проходили гонки, представлял собой две круговых дорожки, на которых были вырыты округлые сосцеобразные лунки — там предводители обеих сторон, возглашая молитвы к богам, бросали пыльцу. Затем в этих лунках высаживались деревья. Как этот, так и другие ритуалы проходили под барабанный бой (один

⁵ *Games of the North American Indians*. Washington: U. S. Government Printing Office, 1907, 31, 34.

⁶ Цит. по: Morris Edward Opler, *A Jicarilla Apache Ceremonial Relay Race*, *American Anthropologist*, 46, 1944, 78n.

⁷ Wettkampfspiel und Dualorganisation bei den Timbira Brasiliens, *Die Winer Schule der Völkerkunde Festschrift*, ed. A. Hackel, A. Hohenwart-Gerlachstein und A. Slawik. Wien: Verlag Ferdinand Berger, 1956, 509.

барабан символизировал солнце, а другой — луну) и сопровождалась танцами, песнями и праздничными гуляниями. Сами беговые состязания проходили на третий день празднества: тогда в центре обоих кругов разводился костер. Все юноши размалевывали себя, обмазывали пылью, украшали перьями и шли на ринг в сопровождении двух молодых девушек, неся початок кукурузы в одной руке и орлиное перо — в другой (это символизировало растительное и животное питание). Четыре старика проходили вдоль, и начинался бег. Существеннее была сама церемония, чем определение победителя и побежденного. Первыми к цели бежали самые сильные, а затем приступали остальные, без какого-то определенного порядка. Некоторые бежали четыре или пять раз, но хотя бы раз нужно было пробежать каждому. Такой бег наперегонки завершался танцами и другими праздничными торжествами⁸.

Второй пример культового спорта взят уже не из жизни первобытного общества в строгом смысле. Это зулусский футбол в Дурбане, в который играют люди, находящиеся на переходе от первобытного родоплеменного общества к современной социальной организации. Футбол занял первое место среди современных спортивных игр по числу адептов, но восприятие этой игры среди зулусцев трудно назвать современным — игра была приспособлена ими к другим нормам жизни. Команды зулусских футболистов играют по правилам Международного футбольного союза, и их старания воспроизвести современный футбол идут явно вразрез с традициями народа. Инструктор или тренер, например, может ударить игрока, старшего его по возрасту, — как мы видим, требования современного спорта попирают традиционные табу. А местная футбольная культура впитала в себя зулусское видение мира. Так, во время открытия и закрытия сезона они приносят в жертву козу. Ритуал требует, чтобы перед игрой все игроки, тренеры и помощники команды провели ночь единым лагерем, заснув под отблески пламени ритуального костра. К костру все собираются нагими, но при этом никаких половых отношений не происходит. Шаман, которого называют инянга, делает надрезы на коленях, локтях и других суставах (точно так же действует шаман перед ритуальной игрой в мяч у индейцев чероки). Также игрокам дают очистительную смесь, вызывающую рвоту. В день игры проводится процессия: участники движутся плотно, так что каждый смыкается со своими соседями. Инянга раздает всем магический напиток. Если команда сыграла плохо, в этом обвиняют инянгу, а не тренера или распорядителя команды и отлучают его от его должности⁹.

⁸ Opler, A. *Jicarilla Apache Ceremonial Relay Race*, 75–97.

⁹ Scotch, N. A. *Magic, Sorcery and Football among the Urban Zulu*, *Journal of Conflict Resolution*, 5 (1961), 70–74. Изучение Скотчем обычаев зулусцев позволило уточнить выводы и о характере бейсбола, см.: William A. Gamson and Scotch N. A., *Scapegoating in Baseball*, *American Journal of Sociology*, 70, 1964, 69–72. Другие примеры смешения первобытного и новейшего отношения к спорту см.: Fox J. R., *Pueblo Baseball: A New Use for Old Witchkraft*, *Journal of American Folklore*, 74, 1961, 9–16; Freund Eugene H., *The Transition*

Приведенные примеры доказывают соперничество спорта и религиозного культа, но Карл Дием настаивает не только на возможности, но и на *неизбежности* такого соперничества. Однако, слыша такое обобщение, нельзя не задаться вопросом: спорт для первобытных людей — это неотъемлемая часть религиозной жизни или же существует независимая область существования, где спорт может быть налицо в своем секулярном виде? При этом предполагается, что у первобытных народов есть секулярная жизнь, где религиозный авторитет не важен, раз невозможно отождествлять первобытную культуру с религиозностью. Вопрос приобретает особый смысл исходя из нашей начальной парадигмы: игра — игры — соревнование — спорт. Если мы считаем, что спорт у первобытных народов всегда был сакральным, всегда был составной частью культа, мы вынуждены признать, что в этой среде вообще не было спорта в нашем смысле — любые физические упражнения становились религиозными в силу самой своей природы, но по этой же причине они были утилитарными в широком смысле. Цель этих упражнений была самой великой (например, обеспечить плодородие земли), и о простом удовольствии от телесной активности речь заходила в последнюю очередь.

Прав ли Дием в своих рассуждениях? Я думаю, что не прав. В сообщениях этнографов мы находим множество свидетельств о культовом характере спорта, но мы вряд ли должны безотчетно говорить о «религиозности» применительно к тем краям, где все человеческое поведение вписано в круг сакрального. Когда дети дерутся или метают копья в мишень, неужели мы должны думать, что их действия — часть культа? Хотя Кете Юе-Керкдаль и говорит о неистовых «бегах» индейцев Тимбира в Бразилии и проясняет культовый смысл этих соревнований, некоторые из них представляются нам вполне секулярными практиками, смысл которых заключен в них самих¹⁰. Догматическое отрицание каких-то явлений в духе того, что первобытные люди *не знают* секулярного спорта, вряд ли можно назвать продуктивным. Конечно, выводы Диема содержат важную истину: спорт, в отличие от простых физических действий, входил в жизнь первобытного юношества прежде всего в ореоле богопочитания, и только размах нашей секулярности мешает нам оценить культовый смысл первобытного спорта.

К одному из самых документированных и хорошо изученных видов ритуального спорта относится игра в мяч у майя и ацтеков, развитую цивилизацию которых следует сравнивать с другими древними цивилизациями, а не с первобытным обществом. Хотя при последующем изучении древнего спорта мы сосредоточимся на классической античности, избегая подробного анализа того, что происходило в Китае, Индии

of a Fertility Rite to an Indigenous Spectator Sport, Quest Monograph, no. 16, June 1971, 37–41; *Orioles in Spirited Race*, New York Times, September 16, 1975.

¹⁰ Wettkampfspiel und Dualorganisation bei den Timbira Brasiliens, 504–533.

и других знаменитых цивилизациях, все же выдающееся место в антропологической литературе той игры с мячом не позволяет игнорировать этот пример, во многих отношениях интересный.

Поводом к этой игре стал миф о братьях-близнецах, имена которых в научной литературе передают по-разному. Братья оставили мать и дом и решили бросить вызов подземным богам, обыграв их в мяч в разновидность футбола. Они проиграли и заплатили за это, согласно пророчеству, ожидаемую цену—смерть. Голова одного из братьев была подвешена к дереву, но случилось так, что на дереве была юная девица. Из уст этой головы излился поток семени, оплодотворивший девицу, и она переправилась в дом матери близнецов, где и родила детей. Эти дети подросли, окрепли и бросили новый вызов богам на футбольном поле—и, опять же по пророчеству, выиграли. Затем головы близнецов вознеслись на небо и стали солнцем и луной¹¹.

Археологическим подтверждением этого солярно-лунарного мифа служит более 40 футбольных полей, расположенных на пространстве от Аризоны до Гватемалы и Гондураса. Поле для игры с мячом отождествлялось с небом и было частью храмового комплекса—лучше всего такой объект сохранился в Чичен-Ице в Юкатане. Ацтеки считали, что игра пользуется покровительством богини Шочикецаль, но каменные круги, через которые прогонялся мяч, украшены резным изображением Кетцалькоатля, знаменитого пернатого змея. Ежегодно этим и другим богам приносили множество человеческих жертв, и иные жертвоприношения совершались непосредственно после игры в мяч. Еще не установлено, приносилась ли в жертву победившая или проигравшая команда, но мы можем с большой долей вероятности предположить, что сама идея состязания подразумевает осуждение побежденных, а не победителей. Но как бы то ни было, археологические находки подтверждают, что игра буквально шла не на жизнь, а на смерть. Шесть рельефов, высеченных в Юкатане, изображают ритуальное обезглавливание игрока. Правила самой игры известны фрагментарно и до сих пор являются предметом споров, поэтому мы будем просто доверять испанским очевидцам этих игр XVI века, которые подчеркивали культовую природу этой спортивной деятельности. Как заметил один из них, «каждое игровое поле у них—храм»¹². Испанские власти запретили эту игру, если можно назвать ее игрой.¹³

¹¹ *Walter Umminger, Supermen, Heroes and Gods*, trans. James Clark. New York: McGraw-Hill, 1963, 71–72.

¹² Цит. по: Goellner, W. A. *The Court Ball Game of the Aboriginal Mayas*, RQ, 24, May 1953, 164.

¹³ Лучшее исследование по этой игре—только что приведенная статья Гёльнера. См. тжж.: Krickeberg, Walter, *Das mittelamerikanische Ballspiel und seine religiöse Symbolik*. Paideuma, 3, 1948, 118–190; Stern, Theodore, *The Rubber-Ball Games of the Americas*. Seattle: University of Washington Press, 1949, 34–45, 50–71; Weis, Kurt, *Die Funktion des Ballspiels bei den alten Maya*. Die Soziologie des Sports, ed. Günther Lüschen und Kurt Weis. Darmstadt: Luchterhand, 1976, 115–129.

Хотя спортивные занятия древних греков воспринимаются как прямое предвестие современного спорта, состязания в Олимпии и Дельфах стоят гораздо ближе к первобытным игрищам, чем к современным Олимпийским играм. Мы знакомы с древнегреческой культурой с детства, кроме того, некоторые принятые у нас виды спорта действительно возникли в Древней Греции; и эти обстоятельства не дают разглядеть нам фундаментального сходства между аттическими играми и их ближайшим аналогом в среде апачей и ацтеков. Конечно, недостаток сведений дает о себе знать и здесь, хотя в меньшей степени: предпоследняя песнь «Илиады», в которой повествуется о погребении Патрокла и играх в его память, вероятно, самое важное свидетельство из тех, которые положено знать всем образованным людям. Изображения атлетов на греческих вазах стали частью эстетического опыта западного человека, а «Дискобол» Мирона из Елевфер — это одно из самых выдающихся произведений мирового пластического искусства. Итак, хотя в наших знаниях о древнегреческом спорте есть серьезные лакуны, главная проблема — не в фактах, а в их интерпретации.

Олимпийские игры, так же как Пифийские, Истмийские, Немейские и Афинские, представляли собой священные празднества, составлявшие часть религиозной жизни древних греков. По словам исследователя, «Олимпийские игры были священнодействием, поскольку проходили в священном месте и в специально отведенные дни: это был обряд, посвященный божеству. Участники игр посвящали себя богу, и добытые ими награды исходили от самого бога... Корни олимпизма — в религии»¹⁴. Олимпийские игры совершались в честь Зевса, Истмийские, проходившие в Коринфе, были посвящены Посейдону, тогда как Аполлону поклонялись бегуны и борцы в Дельфах и Немее (табл. I)¹⁵.

Точная история происхождения Олимпийских игр неизвестна и вряд ли будет установлена. Принято считать, что это место — Олимпия — изначально было посвящено Гее — богине земли. Греческое сказание сообщает также о Пелопсе (имя буквально означает «полноликий») и о его победе в беге колесниц над Эномаем, отцом Гипподамии. Также греки повествовали, что игры над могилой Пелопса учредил Геракл и что Пелопс во время игр вернулся к жизни благодаря принесению в жертву юноши. Таким образом, поражение в атлетическом состязании стало служить символической заменой ритуального жертвоприношения (заметим, что современные футбольные болельщики, для которых поражение любимой команды — это «смерть», вряд ли догадываются,

¹⁴ Слова Людвиг Деубнера цит. по: Drees, Ludwig, *Olympia: Gods, Artists and Athletes*, trans. Gerald Onn. New York: Praeger, 1968, 24. Противоположная точка зрения представлена в кн.: Norman Gardiner E., *Athletic of the Ancient World*. Oxford: Clarendon Press, 1930, 32–33.

¹⁵ Данные для этой таблицы взяты из книги Гардинера (см. выше), 33–37, и из кн.: Harris, H. A., *Greek Athletes and Athletics*. London: Hutchinson, 1964, 36.

Таблица 1. Спортивные празднества древних греков

<i>Игры</i>	<i>Место проведения</i>	<i>В честь какого бога</i>	<i>Награда победителю (ветвь или венок)</i>	<i>Интервал (лет)</i>	<i>Год основания (до н. э.)</i>
Олимпийские	Олимпия	Зевс	Олива	4	776
Пифийские	Дельфы	Аполлон	Лавр	4	582
Истмийские	Коринф	Посейдон	Сосна	2	582
Немейские	Немея	Аполлон	Сельдерей	2	573

как они на самом деле хорошо разбираются в антропологии). Известно, что Геракл в минойское время был богом плодородия, и только завоеватели-эллины понизили его до степени полубога («героя»), и потому неудивительно, что в основе игр лежит, как и везде, ритуал плодородия. Даже в классические времена игры были отмечены синкретизмом — одним из четырех алтарей в Олимпии был алтарь Геи, на второй день игр воспроизводили обряд погребения Пелопса, а на третий день приносили великую жертву Зевсу. Целью этих игр было, таким образом, богопочитание. Все атлетические события «должны были убедить бога восстать от смерти и вновь явиться в облике ростка, восходящего из темной могилы земли на солнечный свет»¹⁶.

Время проведения названных игр было столь же священо для греков, сколь и место проведения. Игры совершались во второе или третье полнолуние после летнего солнцестояния. Три вестника отправлялись, чтобы возвестить олимпийское перемирие. Спортсмены собирались в ближайшем к Олимпии городе Элида и 30 дней готовились к выступлению, а после совершали двухдневную процессию, сопровождавшуюся религиозными обрядами, двигаясь к месту торжеств на берегу реки Эврот. Священный характер игр обусловил исключение из числа зрителей женщин, кроме жрицы Деметры. Программа постоянно расширялась — при начале игр (в 776 году до н. э.) в ней был только бег на короткую дистанцию, длиною в один стадий, но во времена расцвета кроме бега производился забег на колесницах, кулачные бои, борьба, особое сочетание борьбы и кулачного боя, известное как панкратион, метание диска и копья. Были соревнования не только во взрослом, но и в юношеском разряде, а в 396 году до н. э. были учреждены состязания для трубных и словесных глашатаев. По многим свидетельствам, пятый и последний дни Олимпийских игр отводились исключительно религиозным церемониям. Устраивался пир, на котором торжественно произносилась благодарность богам за их покров-

¹⁶ Drees, Olympia, 31.

вительство играм, и победители награждались оливковыми ветвями, срезанными в священной роще Зевса мальчиком, оба родителя которого обязательно должны были быть живы. Поэтому невозможно ставить под сомнение религиозный (культовый) характер Олимпийских и других «коронных» игр — всех тех мероприятий, на которых победителю возлагали на голову «корону» из ветвей оливы, лавра, сосны или из сельдерея.

Со знанием всех этих фактов мы можем вернуться к утверждению Фрейсине, что спорт — это форма артистического выражения. «Исследование древнегреческих религиозных церемоний доказывает нам, что богов можно было ублажить, принеся им в дар... музыку, танец, поэзию, драматическое представление или атлетическое состязание»¹⁷. «Коронные» игры и большое множество местных игр служили, конечно, ублажению богов, но из этого не следует делать вывод, что спорт был видом искусства наравне с музыкой, танцем, поэзией или драмой. Соотношение между спортом и искусством в Древней Греции было совсем не таким, как предполагает Фрейсине. В той мере, в какой древнегреческие атлетические празднества были религиозным ритуалом и артистическим выражением, они, обретая внеположную им цель, переставали быть спортом в нашем строгом понимании. Поэтому чем больше соревнования приближались к нормам искусства, тем больше теряли в своей спортивности.

Олимпийские и другие «коронные» игры представляли собой священные празднества, а значит, все спортивные события были облечены религиозным значением, но тем не менее мы можем заметить в том же обществе и появление спорта как вполне секулярного явления. При этом нужно обратить внимание на замечание немецкого исследователя: «Когда мы говорим в этом контексте о секуляризации, это вовсе не означает, что изначально религиозное явление становится светским, а только то, что в *спортивной игре*, изначально наделенной религиозным значением, начинают рельефнее выступать ее собственные существенные элементы — игра, упражнение, соревнование»¹⁸. Вот что на самом деле происходило: спорт постепенно стал частью обычной жизни полиса, а не только формой богопочитания. То, что древние греки ценили физическое совершенство, очевидно для всякого, кто знаком с какими-либо памятниками этой культуры. Города возвеличивали своих победителей на состязаниях, обеспечивая им пожизненное содержание и всякие другие почести, прославляя их статуями, сказаниями и произведениями высочайшей поэзии (достаточно вспомнить бессмертные олимпийские оды Пиндара). Сократ, участвовавший

¹⁷ Pierre Frayssinet, *Le Sport parmi les beaux-arts*. Paris: Arts et Voyages, 1968, 27.

¹⁸ Kamphausen, Hans, *Traditionelle Leibesübungen bei autochthonen Völkern*, *Geschichte der Leibesübungen*, ed. Horst Überhorst, 6 vols. Berlin: Verlag Bartels und Wernitz, 1972–1989, I, 69.

в Истмийских играх, восхищался физическим совершенством и порицал тех, кто не уделяет достаточного внимания своему телу. Даже Платон, который ни за что бы не расстался с убеждением, что мир чистых идей много выше области чувственного, и тот был в молодости борцом и побеждал на Пифийских, Немейских и Истмийских играх. В диалоге «Государство» Платон настаивал на важности гимнастических упражнений как для мужчин, так и для женщин. Обычные граждане подражали доблести самых одаренных атлетов, и не было ни одного города, где не было бы сооружений для тренировок. Итак, невозможно усомниться в том, что все занимавшиеся в гимназиях совершали возлияния богам, но также нельзя не заметить и вполне определенной секуляризации спорта.

Тенденция секуляризации только усилилась в условиях Древнего Рима. У римлян не было ни спортивных соревнований, ни спортивных празднеств. У них было востребовано только мускулистое тело, способное переносить тяготы войны. В своем классическом труде о древнем спорте Э. Норман Гардинер пишет: «Единственные спортивные события, которые интересовали римлян, — это бои: обычный бой, кулачный бой и панкратион»¹⁹. Римские моралисты обычно клеймили как вырожденцев тех, кто занимался спортом по греческому образцу. «Греческий принцип телесной гармонии и забота о телесном красоте и изяществе считались признаком женственной изнеженности»²⁰. Даже Сципион Африканский, прославленный победитель Ганнибала в Третьей Пунической войне, не смог спастись от насмешек сограждан, когда появился в гимназии одетым на греческий манер. Также и всего имперского престижа Августа не хватило на то, чтобы заставить граждан проводить «равные Олимпийским» игры, скопированные с греческой модели. Там, где эти празднества продолжались, они превратились в спектакли для римских зрителей, которым хотелось посмотреть на греческих атлетов из Пергама, Антиохии или Александрии. Римский вкус при этом мало занимал бег или метание диска: гораздо зрелищнее были гладиаторские бои, которые восходят к погребальным игрищам на могиле отца Марка и Децима Брута в 264 году до н. э. Все знают, что гладиаторские бои пользовались в императорское время бешеной популярностью, и, конечно же, их религиозный смысл уже не был внятн для толпы, искавшей хлеба, зрелищ и крови.

В своей секулярности, как и по множеству других характерных черт, современный спорт стоит ближе к римскому, чем греческому образцу. Эта всепроникающая секулярность и делала современный спорт подозрительным в глазах многих религиозных лидеров XVII–XIX веков.

¹⁹ Gardiner, E. Norman, *Athletic of the Ancient World*, 49.

²⁰ Lindsay, Peter L., *Attitudes towards Physical Exercise Reflected in the Literature of Ancient Rome, History of Sport and Physical Education to 1900*, ed. Earle F. Zeigler. Champaign, Illinois: Stipes, 1973, 179.

Но после длительной упорной оппозиции якобы чрезмерному возвеличиванию тела в древнегреческом атлетизме и католики, и протестанты заключили своеобразный конкордат с современным спортом. Современные богословы извиняются за ту суровость, которую высказывали по отношению к спорту их предшественники, и связывают излишнюю аскетическую установку в традиционном христианстве с влиянием платонизма и неоплатонизма. Клирики озабочены теперь установлением гармонии современного спорта и христианского учения²¹. Так, в соборе Иоанна Богослова в Нью-Йорке был установлен витраж, на котором изображены бейсбол и другие виды современного спорта. Содружество христианских атлетов настаивает на том, что суровый характер футбола, баскетбола и хоккея заквашен благовестием Иисуса, а в популярной песне 1970-х годов певец умоляет в припеве, чтобы Иисус загнал его одним ударом «в ворота вечной жизни»²².

Но существует фундаментальное различие между обязательной молитвой игроков в раздевалке перед игрой и поклонением богам на атлетическом празднестве. Когда апачи-хикарилья бегали между кругами солнца и луны или же молодые афиняне состязались в беге на стадионе, в который был превращен священный путь в Дельфы, само по себе состязание было религиозным действием. Тогда как для современных атлетов, даже для тех, кто испрашивают себе помощи свыше во время игры, соревнование — это светское событие. Нагорная проповедь не имеет никакого отношения к штанге или канату. Религия остается за пределами спортивного ринга.

Тем не менее спорт сохраняет в себе некоторые черты религиозного отношения к нему. Одним из самых странных изгибов на его длительном тернистом пути от первобытных ритуалов к мировой серии и лиге футбольных мастеров — это тенденция современного спорта превратиться в род секулярной веры. Многие молодые люди, и не только молодые, в буквальном смысле почитают героев современного спорта. Когда журналисты пишут о «страсти Уэлша по регби» или «техасском культе футбола», невольно относятся к спорту как к массовой религии. Как говорил один австралийский чиновник, «спорт — это самая новая австралийская всеобщая религия, это единственное, во что всякий австралиец страстно верует»²³. Пьер де Кубертен, основатель совре-

²¹ См.: Koch, Alois, *Die Leibeserziehung im Urteil der antiken und frühchristlichen Anthropologie*. Schorndorf: Karl Hofmann, 1965; Ballou, Ralph B., Jr., *An Analysis of the Writings of Selected Church Fathers to A. D. 394 to Reveal Attitudes Regarding Physical Activity*. History of Sport and Physical Education, ed. Zeigler, 187–199; Soil, Georg, *Sport in der katholischen theologie des 20. Jahrhunderts*. Sport im Blickpunkt der Wissenschaft, ed. Helmut Baitsch. Heidelberg: Springer Verlag, 1972, 43–63; Schloz, Rudiger, *Probleme und Ansätze in der protestantischen Theologie*. Sport im Blickpunkt der Wissenschaft, 64–83.

²² См.: Deford, Frank, *Religion in Sport*, SI, 44. April 19, 1976, 88–102; Deford, *The Word Accordine to Tom*. SI, 44. April 26, 1976, 54–69; Deford, *Reaching for the Stars*. SI, 44. May 3, 1976, 42–60.

²³ Dunstan, Keith, *Sports*. North Melbourne: Cassell Australia, 1973, 1.

менных Олимпийских игр, благоговейно возвещал «религию атлетизма» (*religio athletae*), а французский перевод монументальной документальной киноленты Лени Рифеншталь «Олимпия-1936» звучал как «Боги стадиона». Майкл Новак в своем экстатическом прославлении спорта называет бейсбол, футбол и баскетбол «святой троицей» спортивных игр. Далее он настаивает на том, что виды спорта — это «секулярные религии, религии всех граждан... Атлет может быть, конечно, язычником, но виды спорта сами по себе естественные религии»²⁴. Если от философского экстаза мы обратимся к «похвале глупости», то можем вспомнить, какое прозвание дали студенты Университета Нотр-Дам библиотечной мозаике, изображающей Христа с воздетыми руками: «Шестиметровый»²⁵.

Все равно, рассматриваем ли мы страсти, ритуалы или мифы современного спорта как секулярной религии, сохраняется контраст между спортом первобытным и спортом уже античным. Связь между секулярным и сакральным порвана, и привязка к области потустороннего ослабла²⁶. Современный спорт — это деятельность, частью осуществляемая ради самой себя, частью ради других целей, столь же секулярных. Мы занимаемся бегом не для того, чтобы земля давала больше плодов. Мы возделываем землю или работаем на заводах и в офисах, и поэтому у нас остается время для спортивной игры.

2. Равенство

Первая отличительная черта современного спорта — это то, что он гораздо более секулярен, чем первобытный или античный спорт. Вторая, не менее важная особенность современного спорта — это равенство в двух смыслах этого сложного понятия: во первых, теоретически в спорте каждый может принять участие в соревнованиях, и, во вторых, условия соревнования остаются теми же для всех участников. В действительности в спорте существует немало случаев неравенства, которые мы рассмотрим, когда обратимся уже не к понятийной модели, а к современному положению дел. Тем не менее принцип равенства сам по себе ясен и категоричен. Современный спорт подразумевает равенство. В первобытных обществах участие в спортивных состязаниях — это основа членства в касте или другой однородной группе. Согласно классической формулировке Макса Вебера, здесь важно членство, а не достижения. Когда ранее описывались обряды апачей-хикарилья, то мы видели, что важна была не скорость бега, а половозрелость юноши. Молодые девы, сопровождавшие бегунов на кругах солнца и луны, должны были быть девами, а это требование мы явно не назовем спортивным.

²⁴ *The Joy of Sports*. New York: Basic Books, 1976, xiv, 18–19, 34.

²⁵ Jenkins, Dan, *Saturday's America*. Boston: Little. Brown, 1970, 88.

²⁶ См.: Herrmann, Martin, *Religion der Athleten*. Stuttgart: Kreuz Verlag, 1968.

Связь между равенством и принципом достижений жизненно необходима²⁷. Скорость ног и сила рук не столь важны для первобытного спорта, как членство в своей группе, потому что этот «спорт» часто просто не содержит в себе состязания. Во множестве первобытных обществ исход соревнований определялся религиозной необходимостью, а не способностями атлета. В те времена не было необходимости предоставить каждому равный шанс «сыграть свою игру», потому что была только одна игра, начатая богами за много веков до этого: ведь именно боги разделили село на две противостоящие половины. Не было нужды ставить всех в равные условия соревнования, потому что результат явно должен был бы определяться богами, а не способностями участников. Итак, мы видим, что участие было важнее достижений. Когда борцы из двух кланов сходились в схватке, они оказывались вовлеченными в борьбу уровней физического мастерства, а не только в сложный ритуал религии. Но мы должны быть внимательны: они рвали себе сухожилия, потому что боги требовали, чтобы люди сражались, выкладываясь по полной; оба при этом сознавали, что одному из них *предназначено* победить.

Можно привести этому немало примеров, и вполне образцовый пример предложил Раймонд Ферс. Среди полинезийцев существовал род игры по метанию копья, известной как тека (Маори), тика (Самоа) или тинга (Фиджи). Участники игры назывались тапу, то есть посвященные, и вся игра, судя по всему, представляет собой ритуал плодородия. В каждую из двух команд входило от 12 до 20 игроков, представляющих семьи и кланы, так что человек по самому своему происхождению должен был быть на одной или на другой стороне. Поразительно, что команды назывались «холостяки» и «женатые», хотя обе команды (во всяком случае к времени визита Ферса) набирались независимо от брачного статуса человека. Очевидно, что ритуал плодородия, который изначально направлял отбор сторон, к тому времени был уже почти забыт. Но столь же очевидно, что новый принцип отбора основывался на простой необходимости набора, а вовсе не на понятии равенства соревнующихся сторон, как, например, при технологии, известной теперь каждому современному ребенку — когда обе стороны при выборе сторон тянут жребий, а дальше все решает талант игрока²⁸.

Как зулусы из Дурбана иллюстрируют собой странное смешение первобытных и современных черт отношения к футболу, так же и эскимосы из Пойнт-Хоуп на Аляске дают нам почувствовать контраст между отбором команды по участию, а не по достижениям. Хотя все эскимосы в деревне говорят по-английски, ходят по воскресеньям в приход Епископальной церкви, носят среднюю американскую одежду и обо-

²⁷ См.: Krockow, Christian Graf von, *Sport und Industriegesellschaft*. Munich: Piper, 1972.

²⁸ Firth, Raymond, *A Dart Match in Tikopia: A Study of the Sociology of Primitive Sport*. Oceania, 1, 1930, 64–96.

жают бейсбол, в который они играют по современным правилам, но они сохранили и любовь к своей старой игре, отдаленно напоминающей футбол. В их традиционном «футболе» ворота отстоят друг от друга на несколько сотен ярдов, и нужно пропустить мяч через ворота, а не загнать его в сетку. В этой игре участвуют и мужчины, и женщины, и дети, и команды называются «люди земли» и «люди моря». «Люди земли» гонят мяч в сторону моря, которое простирается к западу от их поселения, а «люди моря» отбивают его и гонят в обратном направлении. Итак, мы видим в действии систему родства, разделившую игроков на «людей земли» и «людей моря». Наконец, следует сказать, что согласно старым правилам только пожилые мужчины и женщины имели право подбирать мяч и их бросать, то есть даже в первобытном обществе престарелый возраст получал определенные льготы²⁹.

В среде древних греков достижения стали цениться гораздо больше, чем в первобытном обществе, но при этом никогда не считалось, что любой человек должен быть допущен к участию в соревнованиях. Элегии поэта Секста Проперция, а также статуи, находящиеся в настоящее время в Лувре, Ватиканском музее и Национальном музее в Афинах, доказывают, что в греческом искусстве не было пренебрежения к женщинам-атлетам, но женщины не допускались ни на Олимпийские, ни на какие другие известные игры. Женщины проводили свои соревнования — Герейские игры, которые проходили после более важного олимпийского празднества. Точно так же участие в спортивных мероприятиях было возбранено рабам и «варварам», то есть всем негрекам. Но кто не был ни варваром, ни рабом, ни женщиной, тот вполне мог попробовать себя в соревновании в любом спортивном событии. Исследователи античности М. И. Финли и Х. У. Плекет отмечают, что такое равенство было чем-то невиданным: «Всякий участник соревнования следовал одним и тем же формальным правилам и мог получить награду в случае победы, которой он добивался только своей силой и своими способностями. В мире окостеневшего неравенства это было настоящим прорывом»³⁰. Предание, скорее всего недостоверное, гласит, что первый победитель на первых известных Олимпийских играх (776 год до н. э.) был поваром³¹.

Равенство условий соревнования было важно для греков, и они были готовы на серьезный риск, чтобы не допустить неравенства. Мужчины отличались от мальчиков по весовой категории и по физической зрелости, а не по календарному возрасту. Рано созревший мальчик высту-

²⁹ Vanstone, James W., *Point Hope: An Eskimo Village in Transition*. Seattle: University of Washington Press, 1962, 122.

³⁰ Finley, M. I. and Pleket, H. W., *The Olympic Games: The First Thousand Years*. New York: Viking, 1976, 58.

³¹ Gardiner, E. Norman, *Greek Athletic Sports and Festivals*. London: Macmillan, 1910, 54; Pleket, H. W., *Zur Soziologie des antiken Sports*. Mededelingen Nederlands Instituut Te Rome, 36, 1974, 60.

пал среди мужчин, а не среди эфэбов, иначе бы он пользовался среди них преимуществом большего физического совершенства. Лучший пример стремления к честному соревнованию — это умашение себя и осыпание пылью. Все древнегреческие атлеты смазывали себя перед выступлением оливковым маслом, а борцы осыпали себя мелкой пылью, чтобы исключить бессмысленное проскальзывание. Чтобы быть уверенными, что ни один из борцов не изловчился, оставив какую-то часть тела скользкой, было решено, чтобы борцы осыпали пылью друг друга. Но нас может удивить то, что древние греки не делили борцов или кулачников на разряды по размеру/весу, как это принято у нас.

Все время спортивного праздника специальные лица следили за соблюдением правил и публично наказывали нарушителей. Есть немало изображений на вазах, как эти «судьи» снимают с соревнований атлетов, допустивших какие-либо нарушения. Не нужно говорить и о том, что первобытный спорт, в котором не имело значения, победил ты или проиграл, находился под надзором служителей культа, а не спортивных судей.

Так как римский атлетический спорт был создан по образу греческого, римляне вполне понимали, что такое равенство, и отождествляли его с честным соревнованием. Но очевидно, что гладиаторские бои проходили в ином стиле. На арене люди, вооруженные короткими мечами, сражались с другими людьми, вооруженными уже сетями и трезубцами, также люди сражались против зверей, и аудитория разжигалась и самыми невероятными зрелищами, введенными с легкой руки безнравственных императоров. Так, в 90 году н. э. император Домициан тешил публику боями карликов с женщинами³². Гладиаторы были почти поголовно рабами, а не гражданами, и это представляло полную противоположность гражданскому пафосу спорта у древних греков.

Допущение римлянами неравенства в гладиаторских боях дает нам неожиданный ключ к статусу таких двух несходных видов спорта, как бой быков и альпинизм. Первый вид спорта весьма стар. Настенные изображения, открытые сэром Артуром Эвансом на Древнем Крите, показывают акробатический бой с быками, который, вероятно, был частью религиозного ритуала³³. Второй вид спорта довольно молод — первый клуб альпинистов возник в Лондоне в 1857 году, а вершина Маттерхорн была покорена в 1865 году — явно без всяких религиозных целей. Ни в том, ни в другом виде спорта нет притязаний на равенство условий соревнования. Если мы представим соревнование человека с природой в облике свирепого быка или неприступной вершины, то нам станет ясно неравенство возможностей. А если мы взглянем на вещи еще более абстрактно и вообразим, что это соревнование двух героев, каждый из которых

³² *Umminger. Supermen. Heroes, and Gods*, 185.

³³ Palmer, Denise and Howell, Maxwell L., *Archaeological Evidence of Sports and Games in Ancient Crete. History of Sport and Physical Education*, ed. Zeigler, 69–71.

проходит испытание природными трудностями, то окажется, что природные трудности не всегда те же самые. Некоторые быки не так свирепы, как обычно, и даже при восхождении на одну и ту же гору может меняться погода. Но все равно слава, которая добыта первым альпинистом, не может быть оспорена никаким множеством его последователей, которые должны искать себе новые вершины для покорения.

Современный спорт, в чем никто не усомнится, воплотил принцип равенства, который далеко ушел от своего греческого прообраза. Теоретики могут без зазрения совести утверждать, что спорт организован рационально «на основе универсального критерия *достижения*», но положение о равном доступе на соревнование отступило перед другим положением, легче поддающимся институционализации, — о равных условиях соревнования³⁴. Так как наши прежние сомнения в связи с допущением к участию в соревнованиях только класса *любителей* восходят к средневековым воззрениям, древним грекам еще неизвестным, следует рассмотреть постепенное развитие положения о равном доступе на соревнование.

В Средние века поединки и турниры были уделом знати. Рыцари, запятнавшие свою честь браком с простолюдинками, не допускались к участию. Когда кто-то из них осмеливался выйти на турнир несмотря на утрату статуса и это обнаруживалось, то его избивали и ломали его оружие. А если крестьяне безрассудно пытались воспроизвести спортивные увлечения своих хозяев, их казнили.

Средневековый спорт развивался в сторону современной организации, но неравенство феодального спорта не могло никуда выветриться. Так, специальными королевскими указами 1388 и 1410 годов слугам и работникам было запрещено играть в придворный теннис — прообраз нашего тенниса³⁵: игра должна была остаться удовольствием двора и аристократии. Классовая принадлежность значила больше, чем пол: женщины-аристократки допускались к игре в теннис, и некая Марго де Эно в 1427 году заняла первое место в Париже, обойдя всех игроков-мужчин³⁶. В 1541 году, через шесть лет после того, как Генрих VIII строго ограничил круг теннисистов только аристократами и крупными собственниками, боулинг тоже был закреплен за аристократами и «теми, кто имеют поместья, земли или домовладения с годовым доходом от ста фунтов и более»³⁷. Король Иаков I повторил в 1618 году этот запрет. Феодальные привилегии действовали даже в колониях: так, в 1674 году в Вирджинии был оштрафован портной, который посмел состязаться

³⁴ Ingham, Alan G., *Occupational Subcultures in the Work World of Sport*. Sport and Social Order, ed. Donald W. Ball and John W. Loy. Reading: Addison-Wesley, 1975, 363.

³⁵ Hole, Christina, *English Sports and Pastimes*. London: B. T. Batsford, 1949, 40.

³⁶ Floc'hmoan, Jean Le, *La Genèse des sports*. Paris: Payot, 1962, 46.

³⁷ Brailsford, Dennis, *Sport and Society: Elizabeth to Anne*. Toronto: University of Toronto Press, 1969, 31.

в конных скачках с джентльменом³⁸. При этом мы не можем сказать, что в нашем современном обществе нет классовых ограничений. Например, в уставе регаты в Хенли от 1879 году мы читаем: «Не может считаться гребцом-любителем на одиночном или парных веслах... лицо, в настоящее время занимавшееся торговлей или работавшее по найму, мастерской, ремесленник или рабочий»³⁹ (любопытно, что среди отставленных от регаты оказался и отец Грас, принцессы Монако).

В очень проницательной статье Эрик Даннинг и Кеннет Шеард анализируют раскол британского спорта в 1895 году, когда недовольные клубы Регбийного союза порвали с руководством союза и сформировали открытую профессиональную Регбийную лигу. Они восстали против жестких правил Регбийного союза, допускавших только любительский спорт: было не только запрещено выплачивать компенсацию за потерю рабочего времени во время соревнования, но также игроки или клубы, получившие медали, находились под угрозой исключения. Однако за этим стояло еще более глубокое несогласие, касавшееся спорта уже как социального института. Острота конфликта во многом обусловлена страхом высшего класса и высшего среднего класса, что «их» игра попадет в руки представителей низшего среднего класса, особенно на индустриальном севере Англии. «Другими словами, хотя элита публичных школ и пыталась подвести рациональную базу под свое умонастроение, представив его исключительно в спортивных терминах и заявив, что она нацеливает себя только на сохранение существенных свойств спорта, вражда классов и регионов и чувство уязвленности тем, что можно утратить былое господство, играло тут важную роль»⁴⁰. Таким образом, пестование любительского спорта стало важным инструментом классовой борьбы.

Американский обозреватель со всей откровенностью писал в 1895 г. о классовых разделениях в английском спорте:

Откуда же такое постоянное стремление столкнуть в спорте два несовместимых слоя общества, которые нигде бы иначе не встретились, тем более на таких невероятных условиях? А ведь все это единственная причина слабости нашего атлетизма... Класс трудящихся у себя все делает как надо, так пусть он живет в мире и занимается спортом так, чтобы это больше всего отвечало его склонностям... А у нас будет свой спорт, для изысканного общества, и пусть никакой дух несогласия не проникает в него⁴¹.

Даже в 1960 году английские власти отстаивали исключение из соревнований мастеровых, ремесленников и рабочих под предлогом, что «это

³⁸ Dulles, Foster Rhea, *America Learns to Play*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1940, 34.

³⁹ Savage, Howard J., *Games and Sports in British Schools and Universities*. New York: Carnegie Foundation, 1927, 186.

⁴⁰ *The Bifurcation of Rugby Union and Rugby League*. IRSS, II. Nr. 2, 1976, 54.

⁴¹ Whitney, Caspar W., *A Sporting Pilgrimage*. New York, 1895, 164, 167.

единственный путь сохранить спорт в чистоте, не пораженным элементом коррупции... С большой вероятностью доказано, что средний рабочий никогда не думает о спорте как о чистом удовольствии»⁴².

Стремление удержать спортивные состязания только для аристократов духа остается и в современном анахроническом требовании блюсти спорт «любительским». Вербовка «любителей» частично восходит к средневековому пониманию социальной иерархии, частично — к возрожденческому идеалу придворного, способного ко многим видам деятельности, но при этом не несущего в себе следов глубокого и серьезного опыта, а частично, как мы только что видели, к классовым отношениям XIX века. Так как ни в одном современном состязании нельзя провести разделение участников по классовому принципу, то первое и третье обоснование любительского спорта оказываются до крайности неуместными. А вот второе обоснование, укорененное в том представлении, что человек, всю жизнь занимающийся одним видом деятельности, не обязан соревноваться с тем, образ жизни кого был совсем другим, оспорить труднее. Обычно говорили, что снятие с соревнований хорошо натренированных людей, долго занимавшихся физическими упражнениями, позволяет соблюсти равенство соревнующихся. Но этот довод сомнителен по двум причинам: во-первых, неравенство физических способностей свойственно любому спорту, а во-вторых, правило не может исключить вообще участия натренированных и физически развитых людей, но только тех, кто зарабатывают деньги своей большой физической силой. Очевидно, что критерий денежного возмещения не позволяет делать различия между теми, кто посвящают небольшую часть жизни спорту, и теми, для кого спорт стал образом жизни. Непонятно, как правило вербовки любителей обеспечит равенство в том, что немцы называют «спорт высших достижений» (*Höchstleistungssport*). Итак, западные страны должны непременно упразднить различие между любителями и профессионалами, потому что оно давно уже стало анахронизмом, поражено притворством и порицается социалистическими странами, в которых любители уделяют занятиям спортом не меньше времени, чем профессионалы.

Отлучение от соревнований по классовому признаку в структуре современного спорта осознается как недолжное. Отлучение по признаку расы столь же незаконно. Все мы знаем, как расизм тормозил развитие современного спорта в США, ЮАР и многих других странах. Хотя 14 из 15 жокеев на первом дерби в Кентукки (1875) были чернокожими, вскоре «неграм» было запрещено заниматься столь доходным занятием, и в последующие десятилетия их совершенно не допускали до скачек. При том, что существовало множество успешных чернокожих боксеров, которые могли бы выступить на чемпионате в тяжелом весе, это

⁴² Graves, H., *A Philosophy of Sport*. Contemporary Review, 78. December 1960, перепечатано из кн.: *Sport and the Body*, ed. Gerber, Ellen W. Philadelphia: Lea & Febiger, 1972, 10.

стало возможно только после знаменитой победы Джека Джонсона над Томми Бёрнсом в 1908 году, когда планка дискриминации была снижена и негритянский боксер смог сразиться за чемпионскую мантию с Джоном Л. Сулливенном, джентльменом Джимом Корбеттом и Бобом Фитцсиммоном. Несмотря на то что Мозес Флитвуд Уолкер и другие чернокожие спортсмены играли в профессиональный бейсбол в 1880-е годы, постепенно «негров» стали исключать из основного состава, и им не оставалось никакого выхода, кроме как создать свои собственные лиги, которые узнали и время расцвета, и время упадка — со дна они поднялись вновь в тот достопамятный момент в 1947 году, когда Джеки Робинсон вышел на поле играть за «Бруклин Доджерс». И наконец, хотя Уильям Х. Льюис и Уильям Текумсе Шерман Джексон играли в футбол за Амхёрст Колледж в 1890-е годы, Национальная футбольная лига не принимала чернокожих спортсменов до 1940-х годов⁴³.

К 1970 году чернокожие спортсмены составляли 24,5% всех бейсбольных игроков большой лиги, 33,7% игроков Национальной футбольной лиги и 54,3% Национальной баскетбольной ассоциации⁴⁴. Афроамериканцы зарабатывали в среднем больше, чем их белые коллеги, но дискриминация и неравенство продолжали существовать в более изощренных формах, чем низкая оплата или неправомерное исключение из большого спорта. За чернокожими спортсменами закреплялись определенные позиции на поле (аутфилдеры в бейсболе, раннингбеки в американском футболе), и они очень редко занимали административные должности⁴⁵. Кроме того, им все равно недоплачивали в соответствии с их усилиями⁴⁶. Но все же, если сравнивать с ситуацией 1920-х годов, с так называемым «золотым веком спорта», видно, что расовый критерий поблек. Под возобновляющимся давлением извне изменился и южноафриканский спорт, который был еще более расистским, чем в США, потому

⁴³ Самые подробные исследования расовых предрассудков в американском спорте см.: Henderson, Edwin Bancroft, *The Negro in Sports*. Washington: Associated Publishers, 1939; Davis, John P., *The Negro in American Sports*. American Negro Reference Book. ed. Davis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966, 775–825; Steinkamp, Egon W., *Sport and Rasse – Der schwarze Sportler in den USA*. Ahrensberg: Czwalina, 1976; Peterson, Robert, *Only the Ball was White*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

⁴⁴ Scully, Gerald W., *Economic Discrimination in Professional Sports*. Law and Contemporary Problems. 38, 1973–1974, 67–84.

⁴⁵ Loy, John W. and McElvogue, Joseph F. (фамилия на титульном листе ошибочно указана как Elvogue), *Racial Segregation in American Sport*. IRSS, 5, 1970, 5–23; McPherson, Barry, *The Black Athlete*. Social Problems in Athletics, ed. Daniel M. Landers. Urbana: University of Illinois Press, 1976, 122–150.

⁴⁶ Yetman, Norman R. and Eitzen, D. Stanley, *Black Americans in Sports: Unequal Opportunity for Equal Ability*. Civil Rights Digest, 5, August 1972, 20–34; Pascal, Anthony H. and Rapping, Leonard A., *The Economics of Racial Discrimination in Organized Baseball*. Racial Discrimination in American Life. ed. Pascal, Anthony H. and Rapping, Leonard A. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972, 119–156; Scully, Gerald W., *Discrimination: The Case of Baseball*. Government and the Sports Business, ed. Noll, Roger G. Washington: Brookings Institute, 1974, 221–273.

что черные и белые спортсмены не могли выступать вместе ни в самой ЮАР, ни за рубежом⁴⁷.

Хотя евреи и не являются отдельной расой, нацисты объявили их таковыми, и возможность исключения евреев из участия в Олимпийских играх 1936 года вызвала жаркую политическую дискуссию в период между 1933 и 1936 годами. Хитрые политические маневры Эвери Брендажа, тогдашнего председателя МОК, исключили бойкот Олимпийских игр со стороны Американского атлетического союза, а принятое в нацистской партии вольное обхождение с законодательством позволило сначала разрешить немецким евреям участвовать в командном зачете, а в последний момент перед Играми всех их исключить, оставив только фехтовальщицу Хелену Майер, которая, будучи еврейкой наполовину, имела германское гражданство. Среди исключенных была Гретель Бергман, рекордсмен по прыжкам в высоту: ее результат в 1,6 м не был засчитан, и победительницей была объявлена Эльфрида Каун, показавшая результат 1,54 м⁴⁸.

Дискриминация по половому признаку была третьим анахронизмом, мешавшим спорту принять современную форму. Хотя большая физическая сила и более быстрая реакция мужчин (во всяком случае, если брать возраст с 5 до 55 лет) делает их непосредственное состязание с женщинами бессмысленным, логика развития современного спорта требует, чтобы женщины получили равные возможности отдельно от мужчин заниматься всеми видами спорта. Но на практике исключение женщин из спорта, а именно из соревнований на силу и выносливость, а не из самих тренировок или спортивных игр, продлилось дольше, чем власть расовых предрассудков в спорте. Первые гимнастические залы для женщин открылись в германских землях уже в 1832 году, но первое значимое гимнастическое соревнование среди женщин прошло только в 1913 году⁴⁹. Лишь в 1909 году девушки из Пруссии, соревновавшиеся по прыжкам в длину и в высоту, стали получать призы как за длину/высоту прыжка, так и за качество и общий стиль⁵⁰. Пьер де Кубертен был против участия женщин в Олимпийских играх, их не допускали к участию в официальной программе по большинству видов спорта. Пловчихи появились впервые на Играх 1912, а легкоатлетки — 1928 года. Взвесив все за и против в идее Игр для девушек, автор журнала «Школа и общество» (*School and Society*) писал в 1929 году, что

⁴⁷ Lapelick, Richard Edward, *The Politics of Race and International Sport*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1975.

⁴⁸ Mandell, Richard D., *The Nazi Olympics*. New York: Macmillan, 1971; Kruger, Arnd, *The 1936 Olympic Games-Berlin*. The Modern Olympics, ed. Graham, Peter J. and Überhorst, Horst. Cornwall, New York: Leisure Press, 1976, 168–182; Scherer, Karl Adolf, *Der Mannerorden*. Frankfurt: Limperi, 1974, 132.

⁴⁹ Diem, *Weltgeschichte des Sports*, 2, 631–633.

⁵⁰ Hoffmann, Augustle, *Frau und Leibesübungen im Wandel der Zeit*. Schorndorf: Karl Hofmann, 1965, 48.

соревнование — естественный инстинкт самцов, «глубоко противоестественный для женского пола». Автор статьи сражался против «маскулинизации» девушек. «Естественная женская привлекательность, вполне здоровая, включающая в себя физический, эмоциональный и социальный элементы, искажается, если не разрушается, воинственным настроем современного спорта и духом соревнования... который неизбежен при интенсивном занятии спортом»⁵¹. В 1930 году женский дивизион Национальной любительской атлетической ассоциации обратился с письмом в МОК с требованием исключить выступления женщин из программы Олимпийских игр 1932 года⁵². С точки зрения женского дивизиона, такие напряженные атлетические состязания были физически и психологически недопустимы для женщин.

Предвзятое отношение к женскому атлетизму восходит к викторианскому восприятию женственности как нежности, нуждающейся в бережном отношении, а не к предрассудкам вроде расовых. По отношению к спортсменкам не высказывалось никакой вражды, просто противники женского олимпизма считали, что женщин нужно беречь. Так, ведущий немецкий педагог в области физического воспитания утверждал в 1853 году, что «если из женщин воспитывать амазонок, то женственности и изяществу настанет конец»⁵³. Столетием позже знаменитый британский спортивный журналист и писатель пришел к тем же выводам⁵⁴. Понадобился труд поколений, чтобы выражение «амазонка» перестало звучать для женщины в уничижительном смысле.

Уже в 1890-е годы были женщины, которые пренебрегали обыденным образом «женственности» и требовали участия женщин в атлетическом соревновании, но сами тренерши и чиновницы женского спорта оказывались часто самыми жесткими критиками участия женщин в больших соревнованиях⁵⁵. В 1922 году женский дивизион учредил «дни игр» и «дни спорта» как торжественные мероприятия и сборы, где главным было общение, а не атлетические достижения в отличие от «межуниверситетских встреч». Постепенно, особенно в 1950-е и 1960-е годы, все больше стала распространяться идея междууниверситетских встреч для женщин и даже национальных соревнований в женском разряде. Наконец, в 1971 году была создана Ассоциация женской междууниверситетской атлетики, что означало, что сами женщины-тре-

⁵¹ Rogers, Frederick Rand, *Olympics for Girls? School and Society*. 30, 1929, 193. См. также: Gerber, Ellen W., *The Controlled Development of Collegiate Sport for Women, 1923–1936*. JSH. 2, 1975, 1–28.

⁵² Sefton, Alice Allene, *The Woman's Division. National Amateur Athletic Federation*. Palo Alto: Stanford University Press, 1941, 82–84.

⁵³ Ротштейн, Хуго, цит. по книге Августа Хоффмана (см. выше).

⁵⁴ Glanvill, Brian, *The Amazons*. Mademoiselle. 61, May 1965, 166–167, 228–229.

⁵⁵ Об этих женщинах-тренерах см.: Ballintine, Harriet Isabel, *Out-of-Door-Sports for College Women*. American Physical Education Review, 3. March 1898, 38–43. Баллингтон рассматривает соревновательный и командный спорт в Колледже Вассар в 1896 году.

неры и женщины-инструкторы приняли (и даже некоторые стали активно продвигать) принцип равного участия в соревнованиях. Изменение в отношении к женскому соревновательному спорту сопровождалось и реформой законодательства. Так, Закон о равных возможностях 1972 года подтвердил параграф 7 Закона о гражданских правах 1964 года и параграф 9 Закона об образовании 1972 года, которыми запрещалась дискриминация по признаку пола в образовании, включая спортивное образование. После вступления закона в Бостоне прошел марафон, в котором наравне участвовали мужчины и женщины, а также был утвержден бюджет спортивного образования, который должен был разделяться ровно пополам на подготовку спортсменов и спортсенок⁵⁶.

В социалистических странах Восточной Европы усилия добиться равенства для женского спорта с самого начала составили часть официальной политики. Но вопреки утверждениям пропаганды и несмотря на то, что спортивные залы для мужчин и женщин есть там на многих предприятиях и в учреждениях, действительное число участников среди обычных женщин приблизительно то же самое, что и в западных странах: в среднем спортсменов в два раза больше, чем спортсенок. Однако если говорить о международном спорте, то необычный количественный и качественный всплеск женской гимнастики, легкой и тяжелой атлетики, гребли и плавания показывает, сколь перспективен женский спорт как реализация равенства возможностей.

Блистательные достижения Колетт Бессон, Билли Жан Кинг и Корнелии Эндер напоминают нам, что равенство возможностей — это не то же самое, что равенство результатов. Мы узнаем, кто лучше всех, только когда все смогут воспользоваться своим шансом. Но чем больше равенство шанса участия, тем более неравными рискуют оказаться результаты. И в мужском, и в женском разряде дистанция между обычным атлетом и чемпионом международных соревнований увеличивается год от года. К такому положению дел трудно относиться без иронии, что вполне отметил Гюнтер Люшен: «Если во всех остальных сферах современной жизни... есть хотя бы идеологическая тенденция к стиранию социальных границ, спорт содержит в себе элемент иерархической социальной дифференциации с такими точными и объективными градациями, которые мы вряд ли где еще найдем в системе

⁵⁶ О синхронности изменения отношения и изменения законодательства см.: Felshin, Jan, *The Social View. The American Woman in Sport*, ed. Gerber, Ellen W. Reading: Addison-Wesley, 1974, 177–279; *Sex Discrimination in High School Athletics*. Minnesota Law Review. 57, December 1972, 339–371; Gilbert, Bil and Williamson, Nancy, *Sport Is Unfair to Women*. SI, 38, May 28, 1973, 88–98; Gilbert and Williamson, *Are You Being Two-Faced?* SI, 38, June 4, 1973, 44–54; Gilbert and Williamson, *Programmed to be Losers*. SI, 38, June II, 1973, 60–73; Gilbert and Williamson, *Women in Sports: A Progress Report*. SI, 41, July 29, 1974, 27–31.

рангов»⁵⁷. Неравенство результатов — фундаментальная характеристика современного спорта, и именно она часто выставляется в оправдание неравенства в других сферах культуры, скажем, в образовании, где меньше равенства и в возможностях, и в условиях соревнования.

3. Специализация

Насколько мы можем проследить человеческую цивилизацию с самого ее начала, уже в первобытном обществе, по наблюдениям этнографов, существует специализация функций. Конечно, специализация в спорте аборигенов Новой Гвинеи будет отличаться от специализации в Национальной футбольной лиге, но все равно определенная степень специализации будет отмечаться.

Сразу обращает на себя внимание различие между спортом в первобытном обществе и атлетизмом классической античности. Греки сразу поняли, что некоторые физически более пригодны к бегу, а другие — к борьбе или метанию диска. «Еще в конце V века до н. э., — пишет Э. Норман Гардинер, — телесное совершенство выдвинулось на первое место, а успехи атлетов породили понятия специализации и профессионализма»⁵⁸. Предельная отвага, которую тогда показывали в пятиборье, подтверждала, что различные специализации могут быть объединены в одном человеке при испытании его самых общих физических способностей. За весь длительный путь развития греческой цивилизации специализация непременно вела к профессионализации в том смысле, что атлеты пользовались официальным покровительством и, что еще важнее, могли полностью посвящать себя спорту. Пользуясь щедрой поддержкой своих энтузиастических сограждан, атлеты не знали экономической нужды и могли полностью раскрыть весь свой талант. Атлетические празднества стали торжеством профессионалов в спорте, которых побаивались традиционалисты вроде драматурга Еврипида, писавшего:

Из бесчисленных несчастий по всей Элладе нет хуже гнойника, чем атлеты... Рабы брюха и челюсти, они не знают честной жизни... Они шатаются по городу в блеске, как идола, но, когда приходит горестная старость, их все сторонятся, как выгребных ям⁵⁹.

Такое неприятие атлетизма, соединенное с упреком к гражданам в непопулярности к пожилым атлетам, — это просто сатира, направленная против профессионализации спорта. Более чем полутысячелетием позже в Пергаме врач и философ Гален еще более выразительно писал о профессиональном атлетизме:

⁵⁷ Luschen, Gunter, *Zur Strukturanalyse des Sports*. Die Soziologie des Sports, ed. Luschen and Weis, 65.

⁵⁸ Gardiner, E. Norman, *Greek Athletic Sports and Festivals*, 4.

⁵⁹ *Athletics of the Ancient World*, 103.

Из-за всей массы плоти и крови их души погружены в пучину грязи... В них нет ни здоровья, ни красоты. Даже те, кто хорошо сложены от природы, становятся жирными и неуклюжими, их лица расплываются и испещряются ранами от кулачных ударов. Им часто выбивают глаз или зубы, сворачивают челюсти⁶⁰.

В Римской империи всеобщее распространение профессионального спорта вызвало упреки моральных философов, говоривших о неблагородстве спорта: они видели неблагородство не в том, что атлеты брали деньги за свои выступления, но в том, что спортивная специализация лишает гражданина возможности развиваться многогранно. Но нет никаких оснований думать, что те тысячи людей, которые набивались в Риме в Большом цирке, чтобы приветствовать громкими возгласами любимого возницу, не воспринимали его с тем же благоговением, как миллионы современных людей воспринимают Пеле, Джорджа Беста, Франца Бекенбауэра и других героев спорта.

В Средние века и раннее Новое время спорт был явно менее специальным делом, чем в Римское время. Ренессансный идеал «придворного», пропагандировавшийся Бальдассаре Кастильоне и другими сочинителями, требовал гармоничного воспитания множества способностей, а не намеренного сосредоточения лишь на физической силе и крепости. А в крестьянской среде специализация не шла дальше выбора самого сильного на деревне, чтобы он сразился с другими деревнями в бою или поднятии тяжестей. Недифференцируемость средневекового спорта ярче всего сказалась в деревенской игре, отдаленном прообразе современного большого футбола.

В средневековом варианте футбола принимал участие любой желающий, и никто не исполнял никакой строго определенной роли. В игру играли всей деревней, или, что будет уместнее сказать, одна деревня играла против другой. Мужчины, женщины и дети отталкивали друг друга, чтобы пнуть мяч, но дьявол все равно смеялся последним. Если залезть на церковную колокольню, то игроки выглядели как рой пчел, сразу бы вскрылось, с каким озлоблением они быются за обладание мячом. В своей замечательной статье Эрик Даннинг пишет в связи с заметным отсутствием специализации в «народных играх» Средневековья и раннего Нового времени:

Эти игры были совсем недифференцированными в трех отношениях: (1) элементы, которые впоследствии обратились в высшей степени специализированными играми, такими как регби, европейский футбол, хоккей, бокс, борьба и поло, содержались в единой игре; (2) среди игроков не было разделения труда и (3) не было даже попыток произвести серьезное различие между игроками и зрителями⁶¹.

⁶⁰ *Ibid*, 115.

⁶¹ *The Structural-Functional Properties of Folk-Games and Modern Sports*. SW, 3, 1973, 227.

В Средние века существовали акробаты, прыгуны и жонглеры, но не было никакой атлетической специализации.

И какой контраст этому мы видим в современном спорте! Каждый из игроков в американском футболе занимает одну из 22 позиций на поле, за исключением «специальных команд», где действуют только кикеры и игроки, отбивающие или принимающие удар. Поменяться ролями можно, но это происходит как исключение. Так, защитный лайнмен может принять пас форварда и забить гол в миг славы, но он сразу же вернется к своей обычной роли. Что верно для футбола, верно и для других современных видов спорта. Интереснейший пример — это бейсбол: с первых же игр в 1845 году в нем присутствует разделение труда — каждый из игроков занимает одну из девяти особых игровых позиций. А современная игра, во всяком случае в рамках Американской лиги, еще больше обострила и вывела на новый уровень специализацию, сравнившись в этом отношении с американским футболом — питчер стал только защитником, а его роль захватил себе назначенный бьющий. Перейдет ли бейсбол окончательно к двугруппной системе американского футбола — нападающих и защитников? Традиционалисты возмущаются, но естественный разрыв между половинными иннингами дает такую возможность, а сложившийся в современном спорте порядок дает основания думать, что рано или поздно это станет реальностью.

Специализация на современном игровом поле сопровождается столь же резкой специализацией среди вспомогательного персонала спорта. Социологи говорят о первой, второй и третьей степенях участия и обсуждают применительно к этому роли владельцев, менеджеров, инструкторов, тренеров, вербовщиков, врачей, создателей команд, рефери и суперарбитров, планировщиков, судей на линии, граундменов (выравнивателей игрового поля), контролеров билетов, продавцов попкорна, зрителей, журналистов и, наконец, социологов спорта. Межуниверситетские соревнования, начавшиеся с того, что оксфордские, кембриджские, гарвардские, йельские, амхерстские и уильямские студенты стали соревноваться друг с другом в гребле, регби и бейсболе, в настоящее время переросли в факультеты физкультуры и спорта, где работает множество профессионалов, получивших высшее образование в области спортивного администрирования.

Сама логика развития современного спорта делает специализацию и профессионализацию неизбежной. До определенной степени эти две тенденции совпадают. Как мы говорили в связи с принципами равенства и любительства, решающим фактором профессионализации становятся не деньги, но время — какую часть своего времени лицо может посвятить достижению атлетического превосходства или, говоря другими словами, до какой степени возможно специализироваться в каком-то виде спорта, чтобы достичь совершенства. Если ты достиг вершины в каком-то виде спорта, то вряд ли ты сможешь добить-

ся столь же высоких результатов и в других видах спорта. Еще несколько десятилетий назад это было не так. А это значит, что специализация закономерно будет все уже и уже. Хотя я вразрез с общепринятым словоупотреблением продолжаю называть «профессионалами» только тех, кто получают плату за спортивные выступления, профессионалом, несомненно, является любой атлет, который достаточно много занимается спортом, стремясь достичь совершенства, так что на длительный период спорт становится главной задачей его жизни. Весьма разумно было бы рассматривать всех, занимающихся спортом ради собственного удовольствия, как любителей, а тех, для кого спорт сам по себе цель, — как профессионалов. Но мы предпочитаем этому различию более базовое теоретическое разграничение между *игрой* и *трудо*⁶².

Специализация обусловлена ориентацией современности на достижения, что приводит в свою очередь к стремлению освободить атлета от бремени дел, сняв с него путы экономической необходимости. Для такой свободы нужно иметь либо большое наследство, либо щедрого покровителя, либо спортивную стипендию, либо правительственную субсидию, либо постоянные выплаты. Несмотря на то что споры о сохранении принципов любительства в международном спорте были бурными и непримиримыми, всем очевидно, что подготовка к соревнованию мирового класса несовместима с обычной трудовой занятостью. Поэтому кто-то должен оплачивать пируэты на льду Дороти Хэмилл и мастерские передачи Фрэна Таркентона.

4. Рационализация

В любом, даже самом неразвитом спорте должны существовать правила. Ведь спорт — это прежде всего игры, то есть игра организованная и проходящая по определенным правилам. Мы уже упоминали, что ритуальные бега апачей подчиняются большему числу самых строгих правил, чем современная игра в футбол группы школьников. Антропологи далеко ушли от руссоистского понятия «благородного дикаря», который не знает необходимости и действует в мире свободы. Мы понимаем теперь, что первобытный мир — мир тотемов и табу, где существуют тысячи запретов и ограничений. Поэтому отличие современного спорта от первобытного заключается не в количестве правил, но в их последствиях. Само происхождение этих правил, сама их природа различна. Современные игры рационализированы в смысле «целерациональности» Макса Вебера, то есть логической взаимосвязи средств и целей. Именно так и воспринимаются правила игры — как средства, ведущие к намеченной цели. Более того, новые правила изобретаются,

⁶² О любительском принципе (игре ради самой игры) см.: Weiss, Paul, *Sport: A Philosophic Inquiry*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1969, 192–211; VanderZwaag, Harold J., *Amateurism and the Olympic Games*. The Modern Olympics, 83–106.

а старые отменяются, когда участники решают, что конвенция в игре важнее, чем инерция прежней конвенции. Правила — это артефакты культуры, а не божественные установления. Так, все участники научной дискуссии о сущности игры в мяч у майя и ацтеков согласны в том, что правила были традиционными, почитались священными, что происхождение этих правил мы никогда не узнаем, но при этом ни на одном из ежегодных игрищ никаких новых правил не было введено.

Вспомним для сравнения историю баскетбола: впервые игра в баскетбол, изобретенный Джеймсом Найсмитом, состоялась в спортзале ИМКА (Христианского союза молодежи) в Спрингфилде, штат Массачусетс. Уже то, что мы можем назвать изобретателя, время и место появления игры, говорит о ее современном характере. Создавая новую игру, Найсмит откликнулся на просьбу Лютера Галика, директора Международной спортивной школы. Галик сказал, что для поддержания спортивной формы молодежи необходимо создать зимнюю игру, в которую можно было бы играть в помещении. Найсмит проверил, как будет происходить командная игра в мяч в зале, и после множества отвергнутых проб остановился на современном баскетболе⁶³.

Изобретение оказалось успешным. Его коллега, Амос Алонсо Стагг, сразу же ставший знаменитостью, провел первый баскетбольный матч в Чикагском университете в 1893 году. В том же году У.О. Блек продемонстрировал эту игру в Стэнфорде. Первый межвуниверситетский матч (Колледж Хэмлин против Миннесотской агрономической школы) был сыгран в феврале 1895 года. На следующий год ИМКА провел международный турнир. В 1901 году уже существовала Межвуниверситетская лига. А за пять лет до этого активисты ИМКА познакомили с этой игрой жителей Китая. К 1915 году баскетбол стал популярен во всех развитых странах и во множестве колоний и малых стран.

В этот период спешного до невероятности распространения баскетбола правила игры изменились или, можно сказать, отчеканились, если мы вспомним, в каком смысле об этом говорили создатели конвейерного принципа Эли Уитни, Томас Эдисон и Генри Форд. Первые команды, организованные Найсмитом, состояли из девяти молодых людей, потому что на его курсы физического воспитания записалось 18 студентов. Но уже через пять лет нормой стала команда из пяти человек. Пивот (поворот ноги на месте) был разрешен в 1893 году, а дриббл (ведение мяча) — в 1896-м (хотя с 1901 по 1908 год существовал запрет дрибблеру совершать бросок). Драки за выбывший за пределы поля мяч прекратились в 1913 году, когда было введено современное правило возвращать мяч в игру. Но мы не ставим целью рассмотреть последовательно большие преобразования и малые улучшения, нам достаточно приведенных примеров. Итак, игра под названием «баскетбол» была рациональным

⁶³ О появлении и развитии данной игры на раннем этапе см.: Isaacs, Neil D., *All the Moves: A History of College Basketball*. Philadelphia: Lippincott, 1975.

изобретением, культурным артефактом, который специально разрабатывался, входил в употребление и подвергался переработкам. Баскетбол — это настоящее торжество рациональности в области игры.

Правила этой игры не оспариваются ни в одной стране мира, хотя они стали более сложными в сравнении с тем сумрачным декабрьским днем, когда доктор Джеймс Найсмит прибил обычные корзины из-под персиков на противоположные стенки в гимнастическом зале города Спрингфилд. Нынешние усложненные правила известны в любой точке мира, и этим они отличаются, к примеру, от правил метания стрел в Полинезии, которые не менее сложны, но при этом сильно варьируются, и в одном месте могут быть совершенно другими, чем в соседнем.

Но как же сочетается известная суеверность множества профессиональных атлетов с таким особым упором на рациональность? Если мы продолжим приводить примеры из истории баскетбола, то можно вспомнить, что один из самых знаменитых и успешных тренеров, Джон Вуден из команды Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, всегда перед игрой выполнял неизменный ритуал. Перед началом соревнования он пытался получить благословение свыше тем, что поворачивался левой стороной к жене которая всегда присутствовала на игре и садилась за ним, хлопал по колену помощника, дергал себя за носок и затем наклонялся еще больше и прикасался к полу. В таком ритуале нет ничего от рационального отношения к спорту, но мы вынуждены признать, что такое странное поведение Вудена вовсе не шло вразрез с законами игры. Если бы его суеверие столкнулось с той рациональностью, которая заложена в самой игре, скажем, если бы он размещал игроков на поле в порядке их знаков Зодиака, то вряд ли его университетская команда выиграла бы подряд семь чемпионатов Национальной ассоциации студенческого спорта.

Баскетбол создавался как современный спорт. А теперь будет полезно рассмотреть, как охота, которая была спортом в давние времена, превратилась в стрельбу из лука — современный вид спорта. Ключевым моментом здесь была *рационализация*. Сама по себе охота всегда была утилитарным занятием: невозможно усомниться, что пещерные люди забивали животных камнями или дротиками, чтобы потом напиться себя их мясом, а не ради удовольствия от удачного попадания. Но охота стала спортом в древнейших цивилизациях: Ассирии и Египте, Китае и Индии, Греции и Риме. Это был самый популярный аристократический спорт в Средние века, и он продолжает находить своих адептов уже во всех социальных слоях. Как и в бое с быками, на охоте пренебрегаем принципом равенства условий соревнований. Охотник на львов пользуется большим вниманием окружающих, чем крестьянский сын, который может застрелить белку. Хотя львы могут оказаться разными: мой лев оказался свирепее твоего и был убит в более сложных и опасных для меня обстоятельствах. Как говорится у Джорджа Оруэла в «Звероферме», некоторые звери равнее других. И каким образом

охота могла тогда сделаться спортом *современным*? Ответ один — следовало создать «зверя», который всегда будет равен самому себе, то есть мишень. Мишень всегда стандартного размера, она стоит на месте, не рычит и не огрызается. Так произошла рационализация охоты, превратившая ее в стрельбу по мишени из лука или пистолета. Итак, рационализация — ключевой момент развития любого спорта, в котором есть мишень. Попасты в бегущего быка легче, чем попасть ему при этом прямо в глаз, но такое меткое попадание нельзя назвать частью современного спорта. Необходимо было произвести рационализацию так же, чтобы вскакивание на коня на ходу превратилось в упражнение с гимнастическим конем.

Уже древние греки имели в виду рационализацию правил, когда различали между обычаями своих предков и своими собственными. Несмотря на все старания, приложенные филологами и археологами, о рациональности критериев оценки в древнегреческом или древнеримском спорте мы знаем не так много, как хотелось бы. Например, существует несколько реконструкций системы оценки результатов в пентатлоне, и крупнейшему специалисту по древнему спорту недавно пришлось пересмотреть свои взгляды по этому вопросу⁶⁴. Но это только один аспект рационализации, который наилучшим образом иллюстрирует различие в культурах древности и знакомой нам современности. Как мы уже говорили, рассуждая о равенстве условий соревнований, когда древнегреческие спортсмены соперничали друг с другом за победу, они метали с размаху один и тот же диск или дротик. Но на этом и заканчивались все попытки стандартизации спортивного инвентаря. Диск, взлетавший над склонами Дельф в честь Аполлона, был иного размера и веса, чем тот, полет которого в Афинах был в похвалу этой мудрейшей богини. Диаметры дисков, которые мы видим в музеях, варьируются от 13 до 35 см, а вес — от менее чем 1,5 кг до почти 7 кг. Бег на стадий был стандартным на всех спортивных празднествах в Древней Греции, но размер стадия различался в разных концах греческого мира. Мы понимаем, что 400-метровый трек в Монреале может отличаться только на сантиметр или два от мюнхенского или московского. Но когда мы обращаемся к древности, то видим, что стадион в Олимпии имел длину 192,27 м, стадион в Дельфах — 177,5 м, в Эпидавре — 181,3 м, а в Пергаме — целых 210 м. Греки, и тем более римляне, были достаточно подкованы технологически, чтобы выровнять эти дистанции, но они предпочитали этого не делать.

Древние греки рационализировали спорт совсем иначе. Они были первыми, кто стали уже на каких-то научных основаниях изучать тех-

⁶⁴ Пересмотр Харрисом своих воззрений, выраженных в кн. *Greek Athletes and Athletics*, см.: Harris, H. A., *The Method of Deciding Victory in the Pentathlon*. Greece and Rome, 19, April 1972, 60–64. См. также: Ebert, Joachim, *Zum Pentathlon der Antike*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.

нику атлетического действия и вскрывать физиологические причины спортивных достижений. У других древних народов имелись пособия по спортивной подготовке, существовала и устная передача правил тренировки и содержания собственного тела, но только древние греки породили целое ответвление науки. Большая часть трактатов по физиологии спорта до нас не дошла, но очевидно, что именно в Древней Греции была заложена основа для всех современных учебных пособий, руководств и научных исследований по спортивной медицине и спортивной психологии. Вот как красноречиво говорил об этом Аристотель: «Об искусстве управления кораблем пишут больше, чем о подготовке атлетов, потому что управление кораблем пока еще не стало хорошо собранным знанием»⁶⁵.

Хотя у первобытных народов мальчишеские игры, требовавшие физической активности, готовили участников к взрослой роли охотника и воина, первобытные взрослые вряд ли продолжали делать какие-то специальные упражнения, чтобы улучшить свое охотничье умение. Так, например ифугао, живущие на Филиппинах, «считают, что они попадают или промахиваются по воле богов и по действию магических сил. Поэтому выйдя из мальчишеского возраста, они уже больше не метают копьё и не ставят целью поддерживать спортивную форму. И это при том, что все практические навыки, которыми они пользуются на протяжении всей своей жизни, восходят к этому мальчишескому метанию копья»⁶⁶. Греки перестали заниматься спортом только ради будущей практики, они начали тренироваться. Различие между практикой и тренировкой существенно, потому что тренировка означает рационализацию всех спортивных действий, подразумевает выход к новым пределам опыта и постоянную проверку результатов. В Древней Греции спортсмены следовали специальной диете, в которую входило больше мяса, чем это было принято среди обычных людей. Также существовали «тетрады» — четырехдневные циклы подготовки, сосредоточенности, расслабления, умеренности (соответственно, простые упражнения, напряженные упражнения, восстановление сил и технически сложные упражнения). Таким образом, атлетизм стал нормой жизни и сосредоточен был на единственной цели — атлетическом совершенстве.

Как и в прежних разделах, изучив начальный вид, мы переходим сразу к современным предельным воплощениям. Научное изучение физиологии и психологии в университете означает передачу технической информации, которую применит потом любой инструктор и тренер. В США, однако, связь научных исследований и актуальной прак-

⁶⁵ Цит. по: Harris. *Greek Athletes and Athletics*, 173.

⁶⁶ Barton, Roy, *Philippine Pagans*. London: George Routledge, 1938, 38n. См. также (о Ндембу в Замбии): Turner, Victor, *The Forest of Symbols*. Ithaca: Cornell University Press, 1967, 9–11. 289–290.

тики не загнана в определенные формы. Результаты лабораторных исследований публикуются монографически или в специализированных ежеквартальных журналах, из которых любой может почерпнуть интересующую его информацию. Но целыми десятилетиями тренеры пренебрегали результатами научных исследований, в которых было доказано, что достижения атлета вовсе не предопределяются безудержным «накачиванием мышц». В наши дни тренеры стали понимать, что, скажем, чтобы поддерживать в форме юных хоккеистов (а в большой хоккей играют уже лет с десяти), нужно направить их на аэробику или общеукрепляющую гимнастику. В социалистической Германии и в других странах Восточной Европы научное изучение спорта еще более рационально, чем в Америке: существуют специализированные НИИ, в которых осуществляются масштабные исследовательские программы, причем полученные результаты сразу требуют ввести в оборот на всех тренировках. Таким образом, разрыв между наукой и подготовкой к состязаниям в социалистических странах меньше, чем в США. Потрясающий успех ГДР на Олимпийских играх 1976 года во многом обязан тому, что в этой стране к исследованиям в области спортивной физиологии подошли серьезнее, чем в США. Восточногерманские специалисты по спорту способны определить перспективных чемпионов, назначить им программу интенсивной тренировки и психологически их подготовить к соревнованиям. Так, спортивный потенциал пловчихи Корнелии Эндер был открыт благодаря изучению состава крови. Конечно, сейчас наблюдается реакция против беспощадно рациональной подготовки атлетов, которых иногда описывают как «роботов», но несомненно, что такая рационализация — неуклонная тенденция развития спорта от первых трактатов в Древней Греции через возрожденческие книги по искусству фехтования до комплексного подхода в Лейпциге, Праге, Варшаве и Москве. Западная Германия старается ответить на вызов коммунистических стран, а США, как всегда, пытаются преодолеть возникший «разрыв». Но невозможно представить, чтобы растущую тенденцию к рационализации можно было остановить протестами тех граждан, для которых спорт — это призвание, а не победа разума над чувствами.

5. Бюрократизация

Кто в современном мире определяет правила спорта и кто распоряжается сложной системой спортивных исследований? Мы все знаем, что все это делают бюрократические организации. Здесь нам нужно прежде всего вспомнить вскрытое Максом Вебером различие между первобытной иерархией *предписанного поведения* и современной бюрократией *функциональных ролей*. Мы можем быть уверены, что правила спорта в первобытные времена менялись медленно и что все изменения вносились адептами соответствующего ритуала. А в наши дни спортивные

журналисты могут ссылаться на руководителей Национальной футбольной лиги, или Национальной ассоциации студенческого спорта, или Международной федерации плавания как на «жрецов» современного спорта, но такое благоговение перед ними — это простая метафора. Альвин «Пет» Розелль, Уилли Дом и даже лорд Килланин Майкл Моррисс, определяющие работу МОК, — это выборные администраторы в большой бюрократической организации. Одна из их неизменных функций — следить за тем, чтобы правила игры соблюдались повсеместно.

Не нужно и говорить о том, что в первобытном обществе вообще не существует никакой бюрократии, тем более спортивной. Конечно, как и в других областях у греков мы можем увидеть сходство с современным обществом, так и, проследив зародыши институциональных форм, мы можем сказать, что спортивная бюрократия у них была, хотя и в первичном состоянии. В Афинах и других полисах демократия требовала выбора всех чиновников или назначения их по жребию. В каждом греческом полисе был гимназиарх, то есть управляющий гимнастическим залом. Контроль над соревнованиями атлетов осуществлял агонатет — распорядитель соревнований. Трудно сказать, какая часть управления спортивными празднествами оставалась в руках жрецов, а какая — перешла в руки светских начальников. Но мы можем с уверенностью сказать, что спортивная бюрократия уже в римское время почувствовала себя уверенно. Самым знаменитым управляющим здесь был Герод Аттик, которого император Адриан назначил атлететом, то есть распорядителем всего спорта; именно Герод Аттик воздвиг большой стадион в Афинах⁶⁷. Именно стадион Аттика греки восстановили и использовали по назначению на первых Олимпийских играх в 1896 году.

Самой замечательной формой самоорганизации римской спортивной бюрократии было объединение ксистов (отметим, что употреблен греческий термин), то есть имперский союз атлетов, который выбирал руководство, детально прописывал правила и нормы, создавал кодекс надлежащего поведения и даже выдавал параферналии — своеобразные удостоверения своим членам. Здесь мы уже можем говорить о рождении спортивной администрации современного типа.

Отсутствие бюрократической организации среди первобытных народов и ее наличие в Риме объяснить нетрудно, но гораздо труднее понять, почему в современном обществе эти административные формы распространились повсеместно. Как и во многих других областях, так и в бюрократизации спорта лидирует Англия. Так, Мэрилебонский клуб крикета, основанный в 1787 году, постепенно стал высшей властью во всех вопросах, связанных с игрой в крикет. В начале XIX века Клуб ввел всемирные стандарты этой игры, включавшие указание веса мяча, ширины биты, дистанции между воротцами, их размеров и т. д.

⁶⁷ См. о нем: Politis, N. G., *The Olympic Games in 1896*. Athens and London: Charles Beck / H. Grevel, 1897, 31–48.

За немногими исключениями вроде бейсбола и американского футбола любой современный вид спорта признает над собой международную организацию, которая контролирует работу десятков национальных отделений. Первой такой организацией стал Международный союз яхтенного спорта (1875). На 1959 год существовало уже 73 таких организации, самой влиятельной из которых стала Международная федерация футбольных союзов, в которую по данным 1964 года входило 126 национальных организаций-членов⁶⁸. Международные федерации тесно сотрудничают с Международным олимпийским комитетом и с национальными олимпийскими комитетами. Конечно, весьма часто приходится выяснять и границы юрисдикций, и совместимость интересов, но в целом можно говорить о развитой бюрократии спорта, приобретшей всемирный масштаб.

Первые национальные спортивные организации возникли в Англии в середине XIX века. К концу XIX века число таких организаций резко возросло, и в 1894 году был учрежден Международный олимпийский комитет. В XX веке все развитые государства создали правительственную спортивную бюрократию, которая должна была либо заменить добровольные спортивные объединения, либо осуществлять надзор и контроль за ними, оказывая им соответствующую финансовую помощь. Даже в Российской империи существовала должность генерального инспектора, занимавшегося вопросами физического развития народов России⁶⁹. Но в США до сих пор не существует должности министра спорта, и спортсмены, выступающие на международных соревнованиях, получают помощь только от добровольных объединений. Но мы вполне можем рассчитывать на скорое появление единого учреждения, вне зависимости от того, будет ли оно создано на официальных или на коммерческих началах. Мы думаем, что последний отчет президентской комиссии по олимпийскому спорту (1977) — важный шаг в этом направлении.

Одна из важнейших функций бюрократии — следить за тем, чтобы все правила и нормы были повсеместными на всей планете. Другая функция — упростить процесс соревнований, которые всегда представляют собой пирамиду от местных состязаний к национальным и, наконец, мировым чемпионатам. Также бюрократия непосредственно заинтересована и в другой области приложения своих сил, а именно признании рекордов. Так, Международная федерация любительского спорта была основана в 1913 году и уже на следующий год стала публиковать списки официально зафиксированных рекордов⁷⁰. Но невозможно говорить о рекордах, пока не рассмотрено необходимое условие установления рекорда — количественный учет.

⁶⁸ Meynard, Jean, *Sport et Politique*. Paris: Payot, 1966, 77, 81.

⁶⁹ См.: Morton, Henry W., *Soviet Sport: School for Communism*. Ph. D. dissertation. Columbia University, 1959, 49.

⁷⁰ Quercetani, R. L., *A World History of Track and Field Athletics*. London: Oxford University Press, 1964, xvii.

6. Количественный учет

Невозможно найти американца, француза или японца, который в детстве, играя в мяч в одиночку, не подсчитывал количество ударов по мячу или его ловли. Если есть броски мяча, то почему бы их не подсчитать? Но такая детская игра типична для современного общества, но совсем неизвестна первобытному, где количественный учет не является насущной частью жизни. Нимрод, могущественный охотник Библии, дал название «шкале Нимрода», впервые упомянутой в книге Роуланда Уорда «Рекорды большой игры» (1892) как типичной для современного спорта⁷¹.

И ссылаться на древнейшие времена для обоснования современных практик — это не натяжка. Так, полинезийцы из Тикопии фиксировали результаты метания стрел с помощью сложной системы учета. Такие же системы существовали для подсчета результатов во многих древних играх с мячом, но современный спорт характеризуется необоримой тенденцией превращать любое атлетическое свершение в материал подсчетов и измерений. Сбор и обработка статистических данных по всем аспектам, касающимся хода игры, — отличительная черта футбола, бейсбола, баскетбола, хоккея и многих видов спорта на открытом воздухе, где точность подсчетов достигла таких высот, что секундомер оказывается весьма примитивным устройством. Секундомер, надо сказать, часто признается символом развития современного спорта — изобретен он был около 1730 года как инструмент для фиксации победителей на бегах. Электронные таймеры позволяют замерять сотые или даже тысячные доли секунды, и эти различия в тысячную долю расцениваются зрителями и самими спортсменами как нечто весьма важное. После этого не кажется случайным, что основатель Международной федерации любительского спорта Зигфрид Эдстром был инженером.

В газетах печатается ежедневная статистика по самым популярным командным видам спорта — в США по бейсболу, американскому футболу, баскетболу и хоккею, а в других странах — по европейскому футболу. Количественно указанные результаты по гольфу и теннису часто также присутствуют на страницах газет. Спорт на треках и на открытом воздухе, атлетика и поднятие тяжестей вообще имеют специализированные журналы, в которых печатаются таблицы сводной статистической информации. В ГДР, самой бюрократической и самой подсчитывающей стране во всем мире, правительство публикует ежегодник под названием «Рекорды детей ГДР» (DDR-Bestenliste der Kleinsten), где указываются самые лучшие спортивные достижения за год учащихся младших классов школы⁷². Кроме того, по многим видам спорта выпускаются энциклопедии. Один из ведущих современных теоретиков даже

⁷¹ Umminger. *Supermen, Heroes and Gods*, 144.

⁷² Kramer, Hermann Josef, *Körpererziehung und Sportunterricht in der DDR*. Schorndorf: Karl Hofmann, 1969, 78.

предположил, что спорт следует определять как физическую деятельность, которая может быть измерена в очках или по системе «сантиметр—грамм—секунда»⁷³.

Статистика по играм — часть и образчик статистики по современному обществу. В одном ряду стоят среднее число очков на пробежке [в бейсболе] и валовой национальный продукт, полученные ярды рашинга [в американском футболе] и средний балл в школе. Мы живем в мире чисел. Компьютеры сообщают нам о новом достижении бэттера (отбивающегося) до начала второго бейса точно так же, как они сообщают нам индекс Доу-Джонса и уровень преступности в 25 столичных районах. Когда табличная сводка золотых, серебряных и бронзовых медалей кажется неадекватной для сравнения результатов в Олимпийских играх, то усердный статистик сразу же выведет логарифмическую формулу $P = 100(1 - \log x / \log n)$, где P — количество очков, x — место атлета или команды и n — число соревнующихся на данном спортивном событии⁷⁴. Первое место получает 100 очков (потому что логарифм единицы равен нулю), а последнее место — 0 очков (потому что тогда отношение логарифмов равно единице), тогда как четвертое место при пяти участниках дает 13,86 очка, а много более впечатляющее четвертое место при 50 участниках — уже 64,56 очка. Психолог, разработавший эту систему, также ввел и таблицы эквивалентности, с помощью которых можно сравнивать несравнимые единицы, такие как прыжки в высоту и метание диска, — это развитие системы очков в decatлоне. По его утверждению, фантастический прыжок в длину Боба Бимона на 8,9 м соответствует пробегу мили за 3'43"37⁷⁵. Числа обступают нас уже со всех сторон.

В Древней Греции такого не было. Пифагор, Архимед, Евклид и другие ученые внесли огромный вклад в развитие математики, особенно геометрии, но греческая цивилизация не испытывала нужды все подсчитывать и вычислять. Для нее человек был мерой всех вещей, а не объектом нескончаемых подсчетов. Чтобы надеть венок из листьев, нужно было просто оказаться лучшим среди тех, кто в этот солнечный день решил сразиться за славу и почет в Олимпии или Коринфе. Насколько далеко улетел диск? Насколько быстро бегун пробежал дистанцию? Эти вопросы никого не интересовали. Среди всех литературных свидетельств греческого мира о спорте есть только несколько кратких эпиграмм, в которых упомянуты числа. Так, про Фаилла из Кротона говорится, что он прыгнул в длину на 16 м, а диск метнул на 29 м. Второй результат нас не впечатляет, тогда как первый не вызывает доверия.

⁷³ Altrock, Hermann, *Die kulturellen Aufgaben des Deutschen Sports*. Kevelaer; Verlag Butzon und Bercker, 1949, 9.

⁷⁴ Jokl, Ernst, *Medical Sociology and Cultural Anthropology of Sport and Physical Education*. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, 1964, 56–61.

⁷⁵ *Nahe der absoluten Grenze*. Rekorde aus der Retorte, ed. Helmut Acker. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1972, 82. В связи с мечтаниями об абсолютной сравнимости см.: Weiss, *Sport*, 230–242.

Из этого мы делаем вывод, что эта эпиграмма — не отражение реальности, но ирония и сатира, хотя некоторые исследователи считают, что речь идет о тройном прыжке, впрочем, не представляя этому никаких доказательств⁷⁶.

Почему же мы не знаем, насколько быстро мчался тогдашний бегун? Проще всего ответить, что у древних греков не было точных приборов для измерения времени. Такой ответ будет верным, но мне кажется, что дело можно повернуть иначе: греки именно потому не создавали точных приборов, потому что точная скорость бегуна их не интересовала. Ведь они не замеряли ни длину прыжка, ни длину метания копья; а уж здесь мы никак не можем сказать, что древние не смогли бы это измерить. Их технологии уж точно позволяли размотать веревку и замерить дистанцию. Но их этот вопрос совсем не занимал. Неважно было, бросил ли победитель одних Олимпийских игр копье дальше, чем победитель предшествующих, или ближе. Равно как не имело значения, кто дальше бросил диск: победитель на Панафинейях или победитель в Немее или Пергамоне. После этого нас уже не удивляет, что диски различались и по размеру, и по весу. Если атлетов сравнивали, то только тех, кто собрался на данных Играх в данном месте, поэтому ни к чему были замеры результатов. Единственным приближением к современному пониманию подсчета рекордов был подсчет побед одного лица. Так, Геракл совершил 12 подвигов, а Милон Кротонский пять раз победил на Олимпийских играх, семь — на Пифийских играх, десять — на Истмийских и девять — на Немейских.

Прославлять число побед еще более греков полюбили римляне и развили этот учет в сторону уже современного спорта. Римляне не собирались вводить количественные измерения в греческие виды спорта, к которым они были довольно равнодушны. Тем более незачем было подсчитывать победы рабов-гладиаторов, которых без жалости лишали жизни. Но вот конные состязания и в Риме, и в Константинополе приковывали внимание всех именно числом побед. Насколько мы знаем, замера времени на ипподроме не было. По скорости колесниц у нас так же нет данных, как и по скорости бегунов. Но римляне восхищались, когда один и тот же возница занимал многократно первые места. Скажем, надпись в честь Гая Апулея Диокла, впервые выступившего в 122 году н. э., сообщает, что в ристаниях на квадригах он участвовал 4257 раз, причем первое место занял 1462 раза, второе — 861 раз, а третье — 576 раз. Но все же наших знаний недостает, чтобы определить, означают ли слова «взошел на колесницу и победил» непременно первое место?⁷⁷ Итак, это второй род подсчетов, начатый греками и развитый уже римлянами. Профессиональные атлеты часто хваста-

⁷⁶ См.: Gardiner, *Athletics of the Ancient World*, 152–153. Противоположное воззрение на вопрос см.: Harris, *Greek Athletes and Athletics*, 80–82.

⁷⁷ Harris, H. A., *Sports in Greece and Rome*. Ithaca: Cornell University Press, 1972, 198–199.

лись, сколько раз они оказывались первыми, на скольких празднествах сколько раз побеждали и до каких пределов земли разнеслась слава о них. Конечно, от такого простого типа фиксации результатов был долгий путь к современным многостраничным статистическим выкладкам, на основании которых пишутся биографии спортсменов, но важно, что первый шаг был сделан. Мы приветствуем возрожденные Олимпийские игры, мы грезим о себе как о наследниках Древней Эллады, но мы ближе в этом отношении, как и во многих других, к орущим толпам «синих» и «зеленых», потрясавших константинопольские ипподромы.

Когда в 1896 году проходили первые Олимпийские игры, американский журналист заметил, что выступления гимнастов пользовались наименьшей популярностью, потому что это не было настоящее атлетическое состязание, доступное точному измерению⁷⁸. Таким образом, невозможно недооценивать тех подсчетов, которые необходимо востребованы современным обществом. В новейшей культуре все те состязания, которые сопротивляются числу и точной мере, вынуждены все равно приспособливаться к господствующей моде. Конечно, очень легко измерить длину беговой дорожки или плавательного бассейна, а с помощью точных электронных датчиков определить время забега или заплыва, но неужели можно рационализировать и подсчитать изящество и благородную красоту гимнастов? Ответ на это был дан сразу: главное — установить время выступления и посадить группу компетентных судей, велев им оценить в баллах свои субъективные впечатления (не давая при этом ни высшего, ни низшего балла). Так, Надя Команечи заработала 79 275 очков в Монреале, не больше ни меньше. Так что мы видим, что человек измеряющий не только точен, но и изобретателен.

7. Рекорды

Если соединить стремление к подсчетам со страстью к победе, к выдающимся результатам, к тому, чтобы быть лучшим, — получится понятие рекорда. Даже в первобытном спорте есть стремление превзойти предыдущий результат, добившись того, чего не добивались раньше. Так, метатели копья из Тикопии отмечали на камне, кто оказался самым сильным, и другие племена тоже повествовали о баснословных достижениях, хотя они могут оказаться порождением скорее фантазии, чем измерения. Стрельба из лука, вероятно, была первым видом спорта, где были одержаны рекорды. Турецкая надпись XIII века восхваляет султана Махмуд Хана за выстрел на расстояние в 1215 длин стрелы, а миниатюра XVII века изображает стрелков на стамбульском Окмейдане (название означает просто «стрельбище»), где были зафиксированы

⁷⁸ Richardson, Rufus B., *The New Olympian Games*. Scribner's Magazine, 20. September 1896, 279.

выстрелы, удивительные по пройденному расстоянию⁷⁹. Среди японцев рекорды по выстрелам из лука в различных усложненных условиях фиксировались уже в XVII веке⁸⁰. Но современный рекорд порожден современной тягой все подсчитать и измерить. У древних греков не было понятия рекорда; как утверждают исследователи античности М. И. Финли и Х. У. Плекет, в греческом языке не было даже выражений вроде «установить» или «побить рекорд». Само слово *рекорд* (от латинского слова, означающего фиксацию, то есть самое быстрое зафиксированное время) появилось только в 80-е годы XIX века⁸¹.

Что такое рекорд в нашем нынешнем понимании? Это страннейшая абстракция: ведь подразумевается соревнование не только между теми, кто собрались в данном месте и в данное время, но и с теми, кто далек в пространстве и во времени. Благодаря этой непонятной абстракции австралиец может соревноваться с финном, умершим за десять лет до его рождения. Рекорд становится психологической идеей в уме каждого, кто интересуется спортом, например, как это было на треке в Иффли, когда в 1954 году Роджер Баннистер пробежал впервые милю за четыре минуты. Рекорд — это пункт в книге рекордов, это правый верхний угол на телеэкране, это стимул к покорению небывалых высот спорта и физический барьер, требующий удвоить усилия, это случай безумия, рационализированное помешательство, символ нашей цивилизации. В патетический момент своей жизни французский спортсмен 1920-х годов высказывал надежду, что его дочь «в будущем услышит хвалу не войнам, но рекордам, которые прекраснее, чем подвиги Геракла»⁸².

Американские медиа заходились от экстаза, когда бейсболист Хенри «Хенк» Аарон достиг и, наконец, превзошел абсолютный рекорд Бейба Рута. Газета «Правда» писала о рекордах не менее торжественно. Так, в редакционной статье от 6 августа 1950 года говорится: «Множество спортивных рекордов еще несколько лет назад казались непревзойденными. Но наши молодые атлеты должны побить эти рекорды и установить новые, несравненно лучшие»⁸³. Пятью годами ранее «Правда» обещала премии по 25 тысяч рублей тем спортсменам-любителям, которые установят новые мировые рекорды⁸⁴. Мы видим результат такой борьбы за рекорды: СССР и другие социалистические страны занимают все больше призовых мест на Олимпийских играх.

⁷⁹ Diem, Carl, *Weltgeschichte des Sports*, I, 352–355.

⁸⁰ Sasajinia, Kohsuke, *History of Physical Exercises and Sport in Japan*. Geschichte der Leibesübungen, ed. Oberhorst. 4, 199.

⁸¹ *The Olympic Games*, 22; Kloeren, Maria, *Sport und Rekord*. Leipzig: Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1935, 184.

⁸² Obey, André, *L'Orgue du stade*. Paris: Gallimard, 1924, 35.

⁸³ Цит. по: Morton, *Soviet Sport*, 177.

⁸⁴ *Ibid.*, 232. О восточногерманских гонорах спортсменам-любителям за рекорды см.: Pfetsch, Frank R., *Leistungssport und GeseUsehaftssystem*. Schorndorf: Karl Hofmann, 1975, 196.

Мы уже отметили, что измерить красоту выступления можно благодаря судейству: именно так обстоит дело в фигурном катании, синхронном плавании и гимнастике. Сам факт числового измерения вводит погоню за рекордами даже в этих балетных видах спорта. Так, на Олимпийских играх рекордные результаты показала Надя Команечи, и о ней говорили как о «непревзойденном» совершенстве. Семь раз она получала высшую оценку судей, и это магическое число семь было рекордным, поскольку Нелли Ким только единожды получала такую оценку. Когда мы восторгаемся достижениями Нади Команечи, то мы вполне искренне чувствуем, что ее движения были тоньше и изящнее, чем у Людмилы Турищевой в 1972 году. Поэтому законно, что общий счет Команечи 79275 лучше, чем у Турищевой 77 025. Мы знаем, что Джон Уолкер пробежал мило быстрее, чем любой другой спортсмен из тех, чьи результаты фиксировались Национальной федерацией любительского спорта. Рекорд отрицать невозможно, и все мы верим теперь, что блистательное выступление Нади Команечи — лучшее во всех смыслах. У майя и ацтеков были свои суеврия, а у нас — свои.

Но что будет с нашей навязчивой погоней за рекордами, когда атлеты достигнут (а это будет весьма скоро) пределов человеческих возможностей? Что будет, когда никакая Корнелия Эндер или Дуайт Стоунс не сможет ответить на яростный запрос публики, требующей мировых рекордов? В конце замечательной книги «О гимнастике современного спорта» (1965) Жак Ульман противопоставляет дух античного спорта современному: «Греческая гимнастика была неотделима от понимания тела, встроенного в метафизику конечности. Спорт современного человека — это философская задача, часто неявная, но подчиняющаяся теории прогресса»⁸⁵. Идея прогресса, которую Дж. Б. Бьюри в своей одноименной монографии возводит к концу XVIII века, стала господствовать в умах мыслителей XIX века. Суть этой идеи — линейное развитие, означающее, что любое улучшение может быть улучшено далее. Джонни Вайсмюллер потряс весь мир в 1924 году тем, что проплыл 400 м за 5'04"2, тогда как в наши дни с таким результатом он не вышел бы в финал даже среди женской сборной. После того как Корнелия Эндер проплыла стометровку за 55"65, все стали ждать нового рекорда, но человек не может проплыть это расстояние за 30". Где-то он вынужден будет остановиться, но где?

Навести на ответ нас может эпизод из истории японского спорта. В древнем религиозном центре Киото есть храм Санцу Санген-до (Тысячи Будд), обнесенный галереей. Между карнизом храма и галереи есть зазор в 4,54 м. XVII век дал Японии соревнование среди лучников, главной задачей на котором было произвести как можно больше выстрелов по мишеням через этот зазор, не задев при этом галерею, за 24 часа. Первый турнир прошел в 1606 году, и турниры проводились еще

⁸⁵ *De la Gymnastique aux sports modernes*. Rev. ed.: Paris: J. Vrin, 1971, 336.

в 1842 году, но интерес к этим состязаниям особенно возрос после 16 апреля 1686 года, когда некий Дайкакиро Ваза произвел 13 053 выстрела, из которых 8 132 поразили цели. Современный японский историк комментирует: «Так как все сочли, что этот рекорд побить невозможно, состязания в храме Санцу стали выходить из моды»⁸⁶. Конечно, интерпретация современного историка может быть сочтена надуманной, ведь соревнования длились еще 156 лет как минимум, но она очень убедительна с точки зрения того исключительного места, которое занял «рекорд» в нашем современном мире. Что случится, когда на соревнованиях уже нельзя будет собрать урожай новых рекордов и в каждом виде спорта появится свой Ваза? Начнем ли мы тогда понимать спорт в греческом смысле, как соревнование наподобие *драмы*, мужчины против мужчины и женщины против женщины, или мы как-то иначе научимся удовлетворять фаустовское желание увидеть нечто небывалое и несравнимое? Лучше сейчас подождем, а после все увидим своими глазами.

8. Характерные черты современного спорта

Итак, мы рассмотрели семь отличительных признаков современного спорта. Уникальность современного спорта теперь может быть сведена в привычной нам как современным людям таблице (*табл. 2*). Эти свойства — это не просто случайный набор, который мы выбрали по впечатлениям или применительно к случаю. Если мы рассмотрим их в обратном порядке, начиная с погони за рекордами, то увидим, насколько они все переплетены. Они не могут состояться друг без друга. Поэтому нам придется, руководствуясь условной телеологией, доказать, что если в современном спорте ставятся рекорды, то неизбежны и все остальные его свойства.

Современная погоня за рекордами не состоялась бы, не будь современных количественных подсчетов. Но нельзя поставить какой-либо рекорд, если не пройти тренировок, которые требуют специализации и рационализации. Но специализация и рационализация подразумевают бюрократическую организацию, без которой не будет ни чемпионатов, ни правил соревнований, ни подтверждения рекордов. Зрелищные события Олимпийских игр в Монреале и Инсбруке были результатом нескольких лет работы тысяч людей. Специализация, рационализация и бюрократизация современного спорта подразумевают и равенство возможностей. Ведь всякий рекорд обернулся бы фарсом, если бы лучший бегун или самый ловкий защитник был снят с соревнований из-за рода занятий, цвета кожи или вероисповедания. И наконец, само понятие измеримого числом достижения отвечает стандартам секулярной культуры, а не духовности, в которой возможно двигаться только в сторону сакрального. Конечно, это трудно уяснить и еще труднее обосновать,

⁸⁶ Sasajima, *History of Physical Exercises and Sport in Japan*, 199.

Таблица 2. Характерные черты спорта в различное время

<i>Характерные черты</i>	<i>Перво- бытное время</i>	<i>Греческая антич- ность</i>	<i>Римская антич- ность</i>	<i>Средние века и раннее Новое время</i>	<i>Новое и новейшее время</i>
Секулярность	±	±	±	±	+
Равенство	—	±	±	—	+
Специализация	—	+	+	—	+
Рационализация	—	+	+	—	+
Бюрократизация	—	±	+	—	+
Подсчеты	—	—	±	—	+
Рекорды	—	—	—	—	+

но все же динамичное развитие атлетизма началось после секуляризации общества. Когда качественные различия поблекли и утратили силу, начались различия количественные. Мы теперь можем не отличать священное от мирского и даже добро от зла, но для нас ощутимо различие между подающим с ВА. 308 и с ВА. 307. Когда боги покинули Олимп и когда опустел дантовский Рай, нам некому стало молиться о спасении души. Но мы способны установить новый рекорд—и это пока единственная доступная нам форма бессмертия.

Перевод с английского Александра Маркова